

18+

**Валерий
Сабитов**

Принцип Рудры

Фантастико-приключенческий роман

Валерий Сабитов

**Принцип Рудры. Фантастико-
приключенческий роман**

«Издательские решения»

Сабитов В.

Принцип Рудры. Фантастико-приключенческий роман /
В. Сабитов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-593668-4

Николай Тайменев родом из Российской провинции, мастер боевого единоборства Ушу. Восточная закалка позволит ему выбраться живым из плена древнего материка Пангея, в горах Южной Аравии завладеть свитком царя Соломона, сохранить любовь племянницы губернатора острова Пасхи.

ISBN 978-5-00-593668-4

© Сабитов В.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая.	6
«Хамсин» у берегов Рапа-Нуи	6
Долина Королей	15
Сине-красный мир	21
Бескорыстие Те Каки Хива	32
Губернатор Пупа Вселенной	38
Закатная карта	51
Трапеза в Ханга-Роа	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Принцип Рудры Фантастико-приключенческий роман

Валерий Сабитов

© Валерий Сабитов, 2022

ISBN 978-5-0059-3668-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Статуэтка из Оронго

«Хамсин» у берегов Рапа-Нуи

Бархатное южное небо, украшенное россыпью самоцветов, светлело и уходило на запад. Просыпающийся океан возмущённо дышал влажной свежестью, тщетно пытаясь остановить движение корабля. Нептун в очередной раз уступал в вечном споре с мятежным Адамом.

Оживлённая атомным сердцем, стальная коробка легко резала серую колышущуюся массу, оставляя за кормой вспененный бронзой винтов след человека. Запахи цивилизации плотным душным облаком надёжно отгораживали моряков и пассажиров от сурово-первозданной девственности земных стихий.

Суперлайнер «Хамсин» трансгосударственной торгово-промышленной корпорации «Тангароа» завершал первую половину круиза. Девятьсот двадцать туристов на его борту были довольны выбором компании: новый маршрут Бейрут – Александрия – Лас-Паломас – Санто-Доминго – острова Галапагос – Вальпараисо – остров Пасхи выполнялся командой атомного прогулочного корабля с точностью до часа и без происшествий.

Восточная оконечность острова Пасхи открылась с первыми лучами восходящего солнца. Разнеженные уладами многодневного путешествия туристы не торопились на открытые пространства палуб; повезло тем, кто занимал каюты с правой стороны. Но наблюдатель с берега не увидел бы в квадратных стёклах тянущихся длинными рядами иллюминаторов ни одной любопытствующей головы. В столь ранние часы туристы предпочитали смотреть картину окружающего мира через смотровые экраны, позволяющие в каюте видеть всё, не вставая с уютных постелей.

Повинуясь воле капитана, лайнер медленно обходил остров, оставляя его с правого борта.

К плеску бьющей о металл волны добавился грозный шум прибоя, упрямо грызущего рифы и скалы. Но какое дело людям, скрытым за железом и пластиком, до скрытой мощи природы? Пассажиры могли не спеша позавтракать и подготовиться к высадке на берег, наслаждаясь круговой панорамой таинственного острова каменных великанов, открывающейся с расстояния в одну-две мили.

Верхняя палуба, не просохшая от влажного дыхания ночного океана, пустовала. На носовой части стоял в одиночестве человек лет тридцати в лёгкой безрукавке и шортах. Видимо, утренняя прохлада его не беспокоила. Обнажённые руки и ноги покрывал слабый розовый загар, неуместный здесь так же, как его одежда для раннего утра. Месту и времени более соответствовала бы фигура в ветровке, с загорелым до черноты лицом.

Мощный корпус судна, стометровой длины и сорокаметровой ширины, слегка подрагивал, словно сбрасывая напряжение изматывающей ночной тряски в открытом океане. Дрожь через металл и пластик многочисленных переборок доходила на верхнюю палубу ослабленная, приглушённая, но заметно мешала одинокому пассажиру рассмотреть какие-то очень важные детали на проплывающих мимо берегах: он то прищуривал зеленоватые глаза в тяжёлых веках, то отступал от фальшборта на шаг, стараясь не дотрагиваться до него. Когда же руки касались окрашенного металла, тотчас отдёргивал пальцы, сопровождая движения гримасой неудовольствия.

По правому борту тянулись к югу тёмные серые скалы, круто обрывающиеся в полосу прибрежной пены; кроме каменных неприступных обрывов остров надёжно защищали неви-

димые глазу подводные рифы. Пеннистая ломаная линия штрих-пунктиром почти точно повторяла очертания побережья, дополняя общее мрачное впечатление...

Но солнце уже расцветивало негостеприимный камень красноватыми, коричневыми, жёлтыми пятнами, пробуждая ото сна не только живое, но и неподвижную материю древних камней. Вот поднялась в небо трёхглавая вершина горы – остаток некогда могучего вулкана. От основания исполинского трезубца к подножию тянулись, отделяя небо от земли, зелёные языки. Зелень в рассветных лучах удивительно сочна и упруга. Вонзившаяся в светлеющее небо гора уходила за корму, когда на верхнюю палубу поднялся человек с индусским фиолетово-коричневым загаром, круглым тугим брюшком, энергичный и быстрый. Приблизившись к одинокому туристу, заворожённо провожающему взглядом полустёртый временем вулканический конус, улыбающийся «индус» правой рукой обнял его за талию, левую протянул к голове и резким движением снял спортивную кепи с большим противосолнечным козырьком.

Голос прозвучал сочно и густо, удачно вписавшись в созвучие шумов пробуждающегося мира.

– Чем занята гордость красной профессуры? – шутиливо спросил он, – Прошу информанных для другоцветной части землян, отставшей в развитии от белого человека.

– Горой Катики, – обрадованно улыбнулся шутке «гордость красной профессуры», – Это означает: мы обойдём остров с юга кругом и можно будет рассмотреть его с моря почти весь. «Хамсин» идёт путём Хейердала.

– Поздравляю! В таком случае у тебя двойной праздник, уважаемый профессор Василич Расейский. На лекциях по истории ты сможешь приводить неоспоримые свидетельства очевидца. По сему поводу прошу принять подарок.

Загорелый товарищ «бледнолицего профессора» вынул из кармана шерстяной куртки горсть сверкнувших жёлтым огнём украшений, оказавшихся принадлежностями парадной морской фуражки, прицепил их к кепи и торжественно вручил собеседнику.

– Спасибо, Франсуа. Видно, ты ночь не спал, добывая это золото, – отреагировал на сюрприз профессор, – Ты настоящий друг. Благодаря такому бесценному подарку дружба Марселя с моим городом, несколько ослабевшая за последнее тысячелетие, вновь поднимется на ранее достигнутые высоты.

Чёрные усы Франсуа, спускающиеся на подбородок на манер казачьих, затрепетали; маленькие, спрятанные в пухлых коричневых щеках, глазки окружила лучистая сеть тонких морщин.

– Не утверждаете ли вы тем самым, дорогой профессор, что общественность моего родного Марселя менее готова к предстоящим береговым испытаниям, чем научная элита вашего родного Воронежа?

– Не утверждаю. Но предлагаю больше внимания уделить расстилающемуся виду. Такое дважды в одной биографии не повторяется.

– Интересно вы привыкли выражаться, учёные люди. «Дважды повториться не может...» А вот единожды такое может повториться?

Не ожидая ответа, Франсуа весело захохотал, прикрепив к кепи товарища ещё один отличительный знак настоящего морского волка.

Тем временем отлив обнажил мокрые острые камни, часто рассыпанные под обрывистым берегом, и тот стал казаться гигантской пастью, истекающей пеной бешенства при виде заморских гостей. Взгляд невольно поднимался к небу в поисках верхней челюсти чудовища, готового проглотить не один лайнер.

После недолгого молчания обретя серьёзность, Франсуа задумчиво сказал:

– Мне трудно произносить русские имена. Тайменев Николай Василич..., – «ич» Франсуа произнес очень мягко, с шипением, – Так правильно? И ещё труднее мне быть хоть чуточку официальным. Потому я и обращаюсь к истории твоей страны. Она мне понятнее, чем её

сегодняшнее. Но твой любимый остров, так неудачно прозванный именем праздника, меня почему-то пугает. Сегодня... Сейчас... Хочется в его присутствии ощутить себя представителем какой-нибудь силы. Например, министром обороны, и обязательно сверхдержавы. Может быть, произнесение твоего имени как-то усмирит его ярость? Как ты считаешь? А, Василич? Не земля, а феодальный замок!

Стараясь не рассмеяться, Тайменев продолжал обозревать берега. После слов Франсуа, вызвавших ассоциацию с ребёнком, ищущим защиты у взрослого и сильного отца, остров вблизи тоже представился ему средневековым замком, отталкивающе неприступным, чудом оказавшимся в центре безбрежного океана. «Хорошо хоть не штормит», – подумал он. И так уж очень угрюмая встреча, тут Франсуа прав. Даже у него, историка по профессии, заинтересованного в соприкосновении с загадками острова Пасхи, вид рождает ощущение напрасности затраченных средств. Впрочем, какой средневековый замок просто так разрешал проникать в свои тайны?.. Но ведь действительно, стоит взглянуть на берег, и поднимаются мрачные эмоции, ожидание чего-то тёмного, тревожного. Такое бывает, когда ради желанной цели весь выкладываешься, а она остаётся недостижимой; даже более того, после всех усилий становится призрачной, ненастоящей. Не о таких ли случаях говорят: близок локоть, да не укусишь?

Всё же легче, когда чувствуешь рядом дыхание, такое знакомое по совместной жизни в одной каюте.

Ветерок донёс свежий запах виски. Франсуа по пути наверх успел посетить бар, один из многих на судне. Тайменев позавидовал: пусть посредством спиртного, но француз успешно справляется с обычными для многих людей наплывами чёрной депрессии. Всё-таки, на самом деле, есть ли разница в том, как достигается спокойствие и гармония между духом и телом: хатха-йогой, ушу или утренней порцией виски? Жаль, он сам не способен на последнее. А может, и не жаль.

Берег заметно понижался, «Хамсин» сокращал расстояние до него. На вершине очередной невысокой горы чернели острые тонкие зубчики; на верхнем краю обрыва они выглядели пальцами великана, торчащими из земли.

– А это что? А, профессор? – по утрам Франсуа предпочитал называть своего спутника профессором, подчёркивая тем разницу между ними в образе ночного бытия.

– Это гора Рано-Параку. Кратер вулкана. Тут давным-давно делались статуи. Те самые... Это они торчат из земли.

– Вот как! Выходит, приплыли. Великанчики нас уже встречают. А я сам бы не понял. Пора бы и мне кое-что узнать о цели путешествия. А то как бы впросак не попасть. Пока «Хамсин» ползёт, поделись-ка со мной разведанными.

– Согласен, – Тайменев с энтузиазмом взялся за дело просвещения, надеясь, что разговор разгонит хмурое настроение, принесёт ещё и пользу товарищу, – Итак, перед вами Рано-Параку, бывший вулкан...

– Постой-постой! – прервал его Франсуа, – Как это вулкан может стать бывшим? Такими, по моему разумению, могут считаться уволенные генералы, адмиралы, излечившиеся алкоголики, тёща после развода с женой и прочие равные им в звании. Но вулкан!? Ведь он как был, так и есть? Смотри, ведь стоит! Кто может заглянуть к нему внутрь? А? Разве спящий лев перестаёт быть львом?

– Не спорю, – Тайменев почувствовал, что хандра наконец покидает его, – На склонах вулкана размещалась каменоломня и большая скульптурная студия под открытым небом. Несколько сотен каменотёсов работали ежедневно несколько веков. День за днём. Пожалуй, второй такой мастерской в мире не было...

Только теперь, объясняя то, что развёртывалось перед ними, Тайменев уверился: и на самом деле всё, относящееся к острову Пасхи, внутренне близко, полно скрытого очарования, живо не односторонним, а необъяснимым взаимным, двойным интересом. Так бывает,

когда встречаются впервые люди, много знающие друг о друге. Заворожил-таки его остров, который не всякий школьник сможет указать на карте мира. Остров Пасхи... Так его зовут европейцы. Рапа-Нуи, – Большой Остров, – полинезийское название. Более древнее имя – Те-Пито-о-те-Хенуа, Пуп Земли. Какая музыка в одном имени!

История острова уникальна по своей трагичности, наполненности исторической интригой, пропитанности опьяняющей настойкой неразгаданных тайн. В последние дни в Николае укреплялась мысль: в истории Пупа Вселенной нашло выражение нечто, относящееся к Земле в целом, к её самым важным, переломным моментам. За время плавания он успел узнать об острове всё возможное, и теперь количество грозило перейти в качество, привести к неординарным выводам. Так ему казалось.

Невольно он вспомнил проведённые на «Хамсине» дни, так быстро промелькнувшие. Прежде всего надо признать, что путешествие организовано интересно и деньги не пропали даром. Один из тех редких случаев, когда реклама отразила ожидаемую реальность один к одному, без преувеличений. Наверное, потому, что маршрут для туризма новый, к тому же туркомпания «Тангароа» молода, ей нужна репутация. Ни разу Тайменев не встретил на лайнере человека со скучным лицом, каждому нашлось дело и развлечение по душе и по карману. За соответствующую плату здесь можно удовлетворить любое желание, связанное с деятельностью органов чувств. Почему-то все цивилизованные народы называют подобный способ времяпровождения «прожиганием жизни». И те же народы упорно, настойчиво развивают методы «прожигания», делая их мировым достижением. Цивилизация оттачивает чувствительность своих рецепторов.

Фирма «Тангароа» весьма серьёзно отнеслась к организации первого круиза. Тайменев узнал, что большинство журналистов, число которых доходило до трети общего числа туристов, приглашено за счёт фирмы. Центральные газеты и ведущие телестудии Соединённых Штатов, Великобритании, Японии... Однажды он с изумлением увидел на груди рослого, обвешанного фото- и видеотехникой человека визитку газеты, издающейся в Монако. Не было только ни одного представителя России и её ближнего окружения. Видимо, данный регион «Тангароа» не интересовал и не беспокоил. Стоило бы разобраться в мотивах такой туристической политики. Не исключено, расчёт строится на том, что российский турист пойдёт на маршрут валом, как только узнает о новой моде на Западе. Игра на психологии, и вполне оправданная. Особенно теперь, когда на многих курортах напряжёнка.

Обычные туристы составляют большую половину общей массы пассажиров. Они отдыхают за собственный счёт, не озабочены тем, как оправдать бесплатный отдых профессиональными услугами. Потому их легко отличить от приглашённых мастеров маркетингового слова по беззаботности в выражениях лиц.

Выделяется сравнительно небольшая группа «людей без определённого статуса», как их назвал про себя Тайменев. Они не стремятся к контактам с простыми туристами либо журналистами, держатся обособленно и независимо.

Обслуживающий персонал лайнера действовал удивительно вышколенно для первого рейса. Выполнялись ничтожные желания пассажиров, всё делалось ненавязчиво и аккуратно, исключались малейшие претензии.

С экипажем «Хамсина» Тайменев встречался крайне редко, наблюдая за его действиями только при швартовке и отплытии из очередного порта. Но и в эти минуты не смог встретить взгляд ни одного моряка. А пока не взглянешь человеку в глаза, – он убеждён, – нельзя составить какое-либо мнение о нём. А народ в экипаж подобрался интересный: от капитана до матроса все рослые, могучие, невозмутимые. Как клоны одного организма. И смотрели-то все одинаково, – или мимо, или сквозь Тайменева. Странная выучка... Будто боятся выдать глазами что-то не предназначенное для чужих. А что может быть тайного, сверхсекретного у членов экипажа обычного туристического лайнера? Правда, Тайменев отметил, что их отношение

к людям «без определённого статуса» несколько теплее, чем к другим. Но он мог и ошибаться, и оценивать видимое предвзято. Уединение, непрерывные интеллектуальные занятия не могли не сказываться на психике.

Франсуа утверждает, что Тайменев – исключение из общечеловеческих правил. Кто поймёт молодого здорового мужчину, проводящего все свободные, то бишь праздничные дни в библиотеке? Из такого образа жизни проистекали некоторые сложности во взаимоотношениях с людьми. Разобраться, так он скорее усложнял, чем облегчал себе бытие. И тем не менее оставался удовлетворённым утопично-нежизненными устремлениями.

А клиенты «Тангароа» в это время заполняли аэрованны, солярии, бассейны судна; пили, закусывали и танцевали в барах и ресторанах; крутили рулетку, искали счастливую карту в прокуренных помещениях. Тонизаторы, усилители и размягчители загара, лучший в мире холестерин и лучшие жидкости для его сжигания в разгорячённой крови, самые замечательные сигареты и рядом столь же эффективные средства борьбы с артериосклерозом... На «Хамсине» имеется всё!

Как правило, день Тайменев проводил в одиночестве, лишь изредка встречая рядом случайных любопытствующих, приходящих в себя после очередной чувственной перегрузки. Его развлечение почти ничего не стоило, что позволило сделать важный вывод: чем дороже удовольствие, тем оно небезопасней для психики, нервов или желудочно-кишечного тракта. А чаще всего, – для всех частей тела и души одновременно.

Тайменеву фирма «Тангароа» в содружестве с секцией ЮНЕСКО по палеоэтнографии предложила информационный клад, составленный из редчайших лекций, прочитанных известными и, что особенно любопытно – вовсе неизвестными авторами. Плюс видеозаписи, статьи из газет и научных журналов многих стран. И книги: приличная библиотека на нескольких языках. Всё изобилие ориентировано на остров Пасхи, его историю и настоящее, охватывая все стороны бытия, от геохронологических проблем до неумения рапануйцев разобраться в собственном наследии.

Вначале он окунулся в это море разнообразнейших сведений из любопытства и безделья, не ожидая найти действительно дельное и полезное, но быстро увлёкся и утонул. Лишь через день-два удалось нащупать островок ориентировки, находясь на котором можно заняться системным анализом данных, не рискуя захлебнуться. Таким островком оказался Тур Хейердал. С помощью его книг Тайменев надёжно застраховался от воздействия разных морей с их портовыми соблазнами, от преимуществ шоколадного загара и прочих наслаждений.

Задумываясь в перерывах между занятиями об окружающих людях, экипаже и его хозяевах, он пытался представить компанию «Тангароа» в образе человека. Ничего не получалось. Фигура корпорации поднималась без лица, без головы. Дня за три до прибытия к острову Тайменев обратился к библиотечному компьютеру. Но на все запросы получал короткий ответ-предложение: «Введите код доступа». Попытавшись несколько раз угадать, бросил занятие, уяснив его бесполезность.

Да и к чему иметь полное представление о «Тангароа»? Достаточно и того, что информационное обеспечение на высоком уровне, в родном университете такого уж точно нет. И обслуживание явно превышает меру оплаты за билет второго класса. Ведь никто кроме него, даже сверхлюбопытные журналисты, не пытаются проникнуть за рамки дозволенного. Имеется пресс-служба, её ответы всегда исчерпывающе ясны и окончательны.

Ещё раз мысленно рассмотрев фигуру без головы, выглядевшую солидно и rispetабельно, уверенно стоящую на толстых ногах, он выбросил её из головы.

Приличное знание английского и знакомство с французским, освежённое соседом по каюте Франсуа Марэном, позволили быстро усвоить основы испанского и разговорного рапануйского, чему способствовала найденная в библиотеке оригинальная методика ускоренного изучения полинезийских наречий.

Романтика хейердаловской научной интриги окружила Тайменева защитным барьером, надёжно хранившим от соблазнов корабельного быта. И Николай Васильевич, рядовой преподаватель истории одного из провинциальных российских университетов, смог всецело подчиниться, – пожалуй, впервые в жизни, – инстинкту любознательности. И потому был окрещён Франсуа Марэном Профессором и Философом. Причём выбор прозвища зависел не только от времени суток, но и самочувствия Франсуа, – ибо они в его жизни связывались теснейше. Утром Тайменев становился «профессором», вечером «философом».

Но защита Тайменева не стала абсолютной. Труднее всего было противостоять экспансивным атакам жгучей итальянки с контрастно мягким именем Эмилия. От её напора спасала только помощь изобретательного и бесстрашного Франсуа. Тайменева её сине-красный наряд приводил в трепет и он думал только о путях бегства. Он понимал, что страх перед женщиной не дает никаких преимуществ, – женщина, как и собака, отлично чувствует, когда её боятся. Страх стимулирует её потенции. Но пока всё обходилось.

В канун встречи с Рапа-Нуи Николай уверил себя, то знает о Пупе Вселенной больше, чем любой отдельно взятый туземец-рапануец и может побеседовать с ним, отдельно взятым, на смеси испанского с рапануйским на равных. К тому же предвкушал приятную независимость от гидов-переводчиков «Тангороа». А драгоценный загар можно обрести на обратном пути; будет не хуже, чем у Франсуа. Африканцем всё равно никто из них не станет; такими появляются на свет в готовом виде.

Размышляя о том, что ожидает на острове, Тайменев решил, что едва ли сможет прибавить знаний и впечатлений качественным образом. Можно возвращаться домой не высаживаясь на берег, и рассказывать о жизни острова Пасхи на правах очевидца столько, сколько нужно. И никто не сможет доказать, что он там не был. Но при всём желании оторваться от «Хамсина» невозможно: регулярного морского, а тем более воздушного сообщения с большим миром у острова нет, караванные пути проходят далеко в стороне, как и во времена Тура Хейердала.

Тайменев настолько увлёкся мыслями, что не заметил, как Франсуа Марэн исчез с палубы и вернулся с двумя бумажными пакетами. Один доверху заполнял бутерброды с рыбой и пластиковые баночки креветочного салата под соусом «Первый Инка», другой маскировал семисотграммовую бутылку шотландского виски и два полистироловых разовых стаканчика.

Сирокко прибавил прохлады, а спускаться на два этажа за одеждой не хотелось. И Николай решил не отказываться от стаканчика, чем привёл Франсуа в восторг. Бутылка в цветном оформлении на фальшборте заметно оживила пейзаж, марселец довольно заурчал. Праздничный завтрак плюс болтовня Марэна развеселили Тайменева, а между тем «Хамсин», меняя курс, огибал небольшой островок. Тот соединился с высоким берегом ажурным мостом, с пролётами, опирающимися на два ещё меньших островочка. С палубы видно, что стальная конструкция не завершена, оставалось протянуть с берега один встречный пролёт. По завершению моста островитяне смогут на пятидесятиметровой высоте проходить на крышу высотного здания, занявшего добрую часть крайнего, большего из островков. Судя по ширине, мост предусматривал и автомобильное движение. Высотное здание, поддерживающее оконечность моста, на островке единственное и выглядит крайне чуждым. Но претенциозным: многоэтажная коробка сверкает тонированными зеркальными стёклами словно искусно огранённый гигантский алмаз. Металлобетонная оправа драгоценного камня венчает набор антенн: круглых, параболических, мачтовых.

– Моту-Нуи! – вскричал Тайменев, – Во что же его превратили!

– Что это тебе так не понравилось? – отвлёкся от изучения бутылки Франсуа и огляделся, – Где ты видишь Мотунуи? Народ отсутствует. Кругом пустыня и мы с тобой, два страдальца.

– Смотри. Видишь три островка, на них стоит мост? Крайний, самый большой, – остров Птичеловеков, или Моту-Нуи. Или ты не видишь?

– Отчего же? – невозмутимо отреагировал Франсуа, – Пока вижу. И остров тоже. Но причин для эмоций не наблюдаю. Беспричинные всплески чувств обычно идут от хронического недопивания. А что касается строительства... Дело вкуса, мне кажется. Очень приличные островки, природа и прогресс здесь явно едины. Весьма, надо сказать, обнадёживает. Намекает на присутствие цивилизации в глубине...

Обходя мелководье, «Хамсин» взял мористее. Внимание переключилось на самую мощную гору острова Пасхи, кратер вулкана Рано-Као. С переменной ландшафта изменилось и настроение. Тайменев извинился за резкость и сказал:

– Мы проходим самое интересное место. Я изучал источники не более чем двухгодичной давности. Не было и намёка на новостройки. Если разобраться как следует, они, – прямая угроза прошлому и будущему острова. Наверху, – посмотри туда, – остатки селения птичеловеков. Там столько неизученного! И дома, и пещеры...

– Да, вижу. Белые домики на вершине, не так ли? – Франсуа поднял голову, смотря на удаляющийся берег, – А у самого обрыва те самые знаменитые великаны.

Если на протяжении береговой линии от Рано-Параку до острова Птичеловеков каменные исполины не произвели должного впечатления, – и судно прошло далеко от берега, и сами великаны стоят дальше от обрыва, – то здесь их можно неплохо рассмотреть. Они собраны тесными небольшими группами, где трое, где пятеро, а где и большим числом. Явление сообщества каменных людей подействовало и на Франсуа.

– ...Не знаю, как поведут себя при встрече с нами птицелюди... Но эти... Ты посмотри, как они нас встречают! Ведь все до единого задом, ни одного лицеприятной частью. Каково! Желая, чтобы они повернулись кругом. Таковое возможно, сеньор профессор?

Марэн говорил вполголоса, не скрывая беспокойства.

Маленькие издали серо-жёлтые фигурки, некоторые из них с красными шляпами-пукао на головах, повернуты спинами к морю. «Профессор» молчал, поглощённый экзотической картиной, объединившей историю с повседневностью. Да, камень отступает перед силой металла. Но камень перед тем простоял сотни лет, а что будет с тем же металлом, бетоном и стеклом по прошествии векового срока?

Вот наконец ушли назад мрачные цивилизующиеся склоны Рано-Као, и обрывистые берега вновь стали заметно понижаться. Впервые открылась широкая панорама внутренней части острова.

Лайнер приблизился к берегу. На тёмных наплывах голого камня, полого сбегаящих к полосе прибоя, исполины выглядели по-иному. Замершие на каменных постаментах, повернувшись спинами к морю, они рассматривали раскинувшееся перед ними центральное поселение острова, – деревню Ханга-Роа. В просветах между каменными идолами и ветряными двигателями колодцев пресной воды виднелись аккуратные белые домики в островках цветущей зелени.

Поднявшееся светило брызнуло по серости камней, белизне домов, зелени деревьев живым светом. Остров задышал светлой радостью. Включились громкоговорители «Хамсина». Хриплый простуженный баритон пресс-службы монотонно повествовал о Ханга-Роа.

– Примерно тысяча жителей... Дом губернатора, главного официального лица, реализующего функции государства... Озеленение, как и на всём острове, делается по инициативе и на средства компании «Тангароа»...

Ко времени приближения к населенному берегу население «Хамсина» проснулось, свершило утренний туалет, позавтракало, протрезвело, похмелилось. Некоторые вышли на палубы, недоверчиво оглядывая красочную картину.

А картина оживала. Аборигены Ханга-Роа, взбудораженные появлением у берега шумного громадного корабля, собирались группами между статуями великанов, оживлённо обсуждая происходящее. Рядом с идолами туземцы казались лилипутами, сошедшими со страниц свифтовского «Гулливера». За долиной, в которой разместилась деревня, протянулась цепь серо-зелёных холмов, скрывающая глубины острова.

Селение осталось позади. Опять острые скалы по-над берегом, напоминающие башни европейских средневековых бастионов, а между ними, – серые изваяния и лопасти ветряков. Неподвижный безрадостный вид. Контраст с только что виденным оазисом омрачал. В эти места озеленяющая добрая рука «Тангароа» не добралась.

Обогнув мыс, «Хамсин» повернул на восток. Через полчаса открылось красивейшее место – долина Анакена, известная как долина Королей. Вздох восхищения, первый за многие дни, пронёсся по палубам, заполненным туристами.

Залив Анакена, объяснил простуженный баритон, за последний год превратился в уютную бухту: с обеих сторон в море протянулись дуги насыпных ограждений-волноломов. Посредине оставили небольшой проход. «Хамсин» вошёл в бухту. В отличие от глубинно-синей воды открытого моря, её зеркало выглядело светло-голубым, спокойно-цивилизованным. Ожидание девственности природы острова Пасхи не оправдывалось.

С лязгом и грохотом освободились цепи якорей «Хамсина» и он застыл на внешнем рейде.

Двухмильную подкову залива окаймляла золотая песчаная полоса, с правой стороны усыпанная цветными пятнами громадных солнцезащитных зонтов, лежанок, прочего оборудования для организованного отдыха. Единственный на острове пляж ждёт гостей. С левой стороны залива у трёх причалов застыли яхты и множество камышовых лодок. Берег за песчаной полосой поднимается в глубь острова тремя террасами-ступенями гигантской лестницы. У подножия ближней террасы на длинном флагштоке развевается государственный флаг Чили; на ступенях застыли исполины, будто остановленные заклятием в движении из глубин моря к какой-то своей цели на земле пушкинские богатыри...

Вернувшаяся из детства сказка всколыхнула в Тайменеве нечто могучее, сродни сверхчеловеческим масштабам, царящим на маленьком одиноком острове в океане. И как-то так получилось, что он единым взглядом окинул свою жизнь: прожитое, настоящее и ещё несвершившееся.

И страх вдруг охватил его: будто вся прошлая жизнь, так долго и трудно творимая, лишь недавно достигшая размерности и спокойствия, ушла безвозвратно, насовсем отделилась от текущей минуты. А будущее абсолютно неопределённо, все его прежние желания, все твёрдо намеченные линии судьбы, – всего как и не бывало. А на их месте – ничего, пустота!

Когда первый страх, ничем не обусловленный, аморфный и бессодержательный, прошёл, Николай осознал, что дорога его жизни круто поворачивает в сторону. И даже не осознание то было, а нечто тихое и уверенное, как подсказка друга на школьном уроке, даже как неопровержимое откровение пророка.

Тут же образ-иллюстрация отразил мысль-эмоция: дорогу жизни перегородила глухая неразрушимая стена, спаянная из неподъёмных блоков несокрушимой волей волшебника с той стороны преграды. А справа и слева, – густой непроницаемый туман, таящий новые пути, ведущие в неизвестность. Из них неизвестно каким способом предстоит выбрать свой.

И уже состоявшаяся часть личной биографии представилась Тайменеву описанием жизни чужого, полужнакомого человека.

А на поверхности стены, остановившей жизненный пробег Тайменева, продолжал отражаться кипящий суетой мир, не замечающий потрясения, какое он вызвал в одном-единственном пассажире из тысячи клиентов «Тангароа».

Близ лодок и яхт сновали фигурки островитян, оживали торговые ряды, составленные из причудливо раскрашенных палаток. Долина выглядела обжитой, уютной, скрывая своё главное, интригующее содержимое за густой высокой зеленью, встающей сразу за песком пляжа. Отдельные пальмы, кокосовые и финиковые, сбегали к берегу, готовясь встретить гостей вместе с красочно разодетыми женщинами, детьми и взрослыми мужчинами. Большинство из них празднично разглядывали громаду лайнера, зрелище для них нечастое, но уже неординарное.

Оживлённая, окрашенная солнцем долина Анакена разительно контрастировала с надоевшими просторами моря, с похожими друг на друга портами и вызвала прилив радости. На палубах раздавались одобрительные возгласы, слова похвалы собственной удачливости в выборе цели путешествия, благодарности фирме «Тангароа» и экипажу «Хамсина».

Долина Королей

После неприветливых, неприступных берегов долина Королей явилась ласковой тёплой жемчужиной, вдруг мягко высветившейся среди дешёвого стеклянного крошева. Предвкушение многодневного отдыха на твёрдой земле, нежданно столь красивой, да к тому же скрывающей за зеленью и камнем тысячелетние тайны, поднимало тонус, придавало жизни значительность и смысл. А дыхание смысла, сколь издалека оно ни доносится, помогает человеку поднять голову, посмотреть выше, дальше, раздвинуть сектор личного бытия. Возможно, в том отличие человека от животного.

Пересадка на яхту, высадка на причал, первые шаги по каменистой почве, – всё шло как в цветном заворачивающем сне. Тайменев чувствовал себя как-то неуверенно: то ли запоздало подействовал виски, то ли забарахлили нейронные сети, ответственные за действие механизма непосредственного восприятия. Потрясающее перед высадкой озарение он воспринял как проявление излишней впечатлительности, итог чрезмерного увлечения литературой и постарался забыть.

Вокруг шумела ярмарка человеческих лиц, слов, движений, запахов, вызывая непривычное и потому пугающее раздражение. Земля под ногами качалась палубой, приходилось широко расставлять ноги. Вроде бы не пьёшь и не куришь, а вот на тебе, делаешься слабее слабого, подумал Тайменев, пытаясь справиться с неуверенностью.

С трудом вырвавшись из толпы, в которой смешались две культуры, две цивилизации, он немного пришёл в себя. Бывшие пассажиры, направляемые гортанными криками и жестами аборигенов, послушно двигались в сторону флагштока, ориентира номер один для жаждущего острых ощущений человеческого стада. Шум, веселье...

Словно гадкий утёнок, отличаясь от всех даже цветом кожи, Николай оторвался от массы довольных собою хозяев и гостей, прошёл за линию торговых палаток и сел на тёплый песок, бросив рядом походно-спортивную сумку. Что-то с ним на этой земле не так. Новый вид аллергии, непереносимость одного-единственного на планете острова? Поднялась злость на себя за непохожесть на других, за ненормальность, за проявление слабости нервной и физической. Где здесь причина, а где следствие? Стоит ли безупречно владеть стилем Дракона, иметь силу и выносливость, реакцию и подвижность много выше среднего уровня, чтобы в такую вот минуту стать нежнее ребёнка? Ругая себя, он в то же время понимал напрасность самоосуждения. У каждого свои особенности, это так естественно. Люди делаются не на конвейере. Машины, и те имеют свой характер.

А для него переход из одного состояния в другое, из освоенных условий в незнакомые, всегда проходит мучительно, со страданием. Хорошо хоть протекает быстро, волной, как и накатывает. И крепко забывается до следующего раза.

Комариный звон в ушах рассеялся, когда подошёл Франсуа.

– Ты что, Василич? Всё тре бьян? Или как?

С трудом выталкивая слова, Тайменев ответил, что «всё бьян» и попросил позаботиться о его размещении, сославшись на необходимость побыть часок одному.

Выслушав его, Франсуа предложил:

– О кей! Если не возражаешь, мы сохраним статус-кво совместного существования? Или ты предпочитаешь соседство Эмили?

Он хохотнул, махнул успокаивающе рукой и резво двинулся на шум невидимой за палаточным рядом толпы.

После ухода Марэна Тайменев обнаружил рядом с сумкой бутылку кока-колы и благодарно улыбнулся. Всё-таки Франсуа молодец, стал понимать товарища без слов. Отпив разом половину, Николай ощутил возвращение сил и энергии. «Не выносишь ты, уважаемый Васи-

лич, суматохи человеческих скоплений. Камерный ты субъект. А болезненная реакция, – просто работа подсознания, стремящегося изолировать тебя от нежеланного. Скрытое симулянтство...»

Он с усилием поднялся и побрёл вдоль берега в сторону от долины Королей. Остро захотелось одиночества, не искусственного, комнатного, а настоящего, первобытного, наедине с миром и собой. Качка прошла, земля обрела привычную устойчивость. В тело проникла лёгкая невесомость, и будто чуть уменьшился вес тела. Но ещё не ушла зыбкость восприятия, в которой рано говорить себе с твёрдой определённой, в яви ты или во сне, и нет способа определить истину. Это не от слабости уже, а от избытка впечатлительности.

Обходя торчащие из песка чёрные валуны, он провожал взглядом разбегающихся в разные стороны серых рачков, смотрел, как они из маленьких нор выбрасывают фонтанчики мокрого песка, насыпая курганчики, поначалу тёмные от влаги, а через полминуты сливающиеся с золотом пространства. Некоторые, самые беспокойные и хозяйственные, тащили на себе домики-ракушки, переселялись куда-то, оставляя параллельные цепочки следов-ямочек.

Николай разулся, бросил кроссовки в сумку и принялся загребать усталыми ногами тёплые струи, приятно щекочущие подошвы. Хождение босиком расслабляло и успокаивало.

Очередной поворот за выступ скалы, – и исчезли позади все видимые-слышимые признаки технологической цивилизации, а с ними пропала и будоражащая душу людская суета. Конечно же, он устал на лайнере. Любое хобби забирает уйму энергии, и прорыв в информационный омут не прошёл бесследно. Да и воздействие компьютерного дисплея надо учесть.

Тайменев остановился, огляделся. Вот он, мир по ту сторону, мир безлюдья и откровения. Николай понял, что черта, отделяющая жизнь от потаённой мечты, пройдена; и все вопросы, ждущие ответов, растворились в первозданности.

Справа – серая стена, уходящая вперёд всё более крутым срезом; слева – наклонённая вверх зелёно-голубая плоскость; сверху – ослепительно синяя опрокинутая чаша; под ногами – тёплый золотой ковёр. И он, – единственный в уходящем неизвестно куда четырёхцветном тоннеле.

Теперь-то и можно остановиться, отдохнуть. Долой волю, организацию; долой всё, придуманное им самим и обществом для него. Пусть останутся голые инстинкты, гнездящиеся в вихрях генов и выглядывающие из щелей-желаний, ждущие своего часа. Долой развращённую чувственность и не менее дурно пахнущий аскетизм. Послужим же раскрепощённым обонянию и осязанию, слушанию и видению. И немедленно!

Увидев кусок лавы, выступом-креслом выдавленный из скрытых вулканических глубин, Тайменев решил: именно тут, на этом камне сосредоточена теперь вся его жизнь. Дальше идти просто некуда. И ничего более ему не надо, а если у него и есть сейчас что-то, оставшееся от прежней городской жизни, то пусть заберут, кому хочется.

Каменное кресло, тёплое и ласковое, оказалось очень удобным, словно его отлили по мерке. Тайменев представился кошкой, растекающейся по камню большой нераздельной чернильной кляксой. И улыбнулся тому, что вообразил себя именно кошкой, а не котом. Улетали лишние мысли. Море и небо слились в единое целое, и оно проникало через глаза, уши, кожу внутрь... Нет ничего целительнее полной слитности с природой, когда исчезает всё разделяющее, опосредующее, подменяющее. Океанский лайнер, великаны Пасхи, Франсуа со спасительной кока-колой... А интересно, почему он оставил не бутылку виски? И этот вопрос растаял в наплывшей тишине.

Много позже Тайменев решил, что именно здесь, на кресле, сотворённом для него вселенной за тысячи лет до его рождения, наметилось то, что определило всю дальнейшую судьбу. Переход прошёл мимо осознания. Наверное, самые главные биографические переломы приходят незаметно.

Солнце легко катилось в гору. В студенистом струении воздуха качались, сменяясь, неясные очертания, тонули в светлоте и вновь всплывали смутные тени... Тайменев спокойно следил за сменой видений. Миражи? Галлюцинации?

Внезапно донёлся запах горелого: то ли дыма, то ли чего-то ещё. Если дыма, то не того, что бывает от пережаренного мяса либо рыбы, прогорклого и противно-неприятного; не дыма пожара; а дыма независимого, дыма самого по себе. Горечь, разлитая в горячем воздухе и существующая отдельно от него, принесла пряную свежесть, заставила расшириться ноздри и лёгкие.

Обострилось зрение, он увидел пену вокруг одинокого обломка скалы в сотне-другой метров от берега.

Однажды ему довелось испытать похожее ощущение. Познакомившись лет десять назад с экстрасенсом, из любопытства пришёл на один из лечебных сеансов. Первые же минуты позволили Тайменеву достичь результата, которого другие добивались неделями. Заняв место позади жаждущих чудотворного исцеления, Николай легко представил себя внутри светового потока, падающего из космоса. В центре сияющего светового колодца вился светящийся шнур, пронизывая сверху вниз все его энергетические центры, включая нижнюю, самую мощную чакру. Помнится, она тогда причиняла немало хлопот.

Что же было дальше?..

Он сидел с опущенными веками, ощущая раскрытыми ладонями тепло космоса. Довольно быстро открылось внешнее зрение и он увидел, как на макушке головы распустился белый многолепестковый лотос. В центре раскрывшегося цветка – обнажённая мужская фигура синевато-свинцового цвета, сидящая на скрещённых ногах в классической позе йога. Фигура выражала полную отрешённость от бренности мира.

То ли Будда, то ли Брахма, – ни пациент, ни «доктор» не смогли определить, атрибуты отсутствовали, а в лицо ни того, ни другого, как расстроено заметил после экстрасенса, они не знают.

Заинтересованный видением Николая, экстрасенс-врач детально обследовал Тайменева всевидящими ладонями и обнаружил восьмой энергетический конус в районе головы. Судя по реакции многоопытного суперлекаря, явление неординарное. Лишний энергетический конус должен влиять на психические и физиологические процессы. Только как? И почему, зачем? Вопросы так и остались вопросами. Но, во всяком случае, польза от открытия была. Тайменев на некоторое время утвердился во мнении о собственной исключительности, что помогло расстаться с излишней скромностью и быстро решить давнюю проблему защиты кандидатской.

И вот, картинка вернулась. Световой колодец, витой крутящийся шнур, лотос... Но, в отличие от первого видения, фигура, сидящая в центре раскрытого лотоса, дышит, живёт. То ли Будда, то ли Брахма... Вот он раскрыл глаза, источающие огонь гнева. От головы его в тот же момент отделилась искорка и запылала, разгораясь. Через мгновение сгусток огня обрёл очертания миниатюрного человеческого тела, окрашенного в тёмно-синие и ярко-алые цвета. Глаза новорождённого испускали сияние, явно пронизанное яростью и ненавистью.

Ещё миг, – и картинка исчезла, её место заняли сгущения теней, световой колодец потух.

...Просидел Тайменев неподвижно час или два, пока солнце не покатило под горку.

Тогда и послышался голос Марэна, негромкий и близкий: «Василич, родной! Не пора ли нам и закусить? Так ведь и похудеть недолго...» Николай Васильевич почувствовал сильный голод и, сбросив разом истому, встал. Конечно же, вокруг никого. Неожиданно освежённый и бодрый, подхватил сумку и двинулся обратно по своим следам.

Пляжную полосу Тайменев пересёк легко и свободно. Лишь близкое и непосредственное любопытство детей островитян, – весело крича, они указывали на его голову, – немного испортило настроение. Николай не сразу понял, что маленьких рапануйцев привлекла блистающая

на солнце морская фурнитура на кепи. В сердцах он произнёс про себя несколько крепких выражений в адрес Марэна: работать клоуном ещё не приходилось.

Поднявшись на верхнюю террасу, Николай повернулся к морю. И очутился в окаменевшей сказке любимого сердцу Пушкина, среди тридцати трёх богатырей, только что вышедших из морских пучин. Их шляпы и левые бока горят на солнце начищенными доспехами. Невероятная и тем непривычная громадность, необычные черты лиц исполинов сминают барьеры восприятия. Море и прибрежная полоса долины Анакена, просматривающиеся меж богатырскими фигурами, сделались вторичными, полуреальными. Над миром господствуют изваяния, омертвевшие сверхлюди, источающие молчаливое презрение к живым, потерянно бродящим среди их монументальных оснований-постаментов. Слепые глазницы великанов, устремлённые в глубь острова, видят нечто крайне важное, не имеющее отношения к бессмысленной суеде копошащихся в земном прахе двуногих существ.

Тайменев отвёл напряжённый взгляд от колоссов. Зачем их вновь поставили на прежние места? Получилось чересчур экзотично. Они деформируют пространство, магнетизируют психику. Николай начинал сочувствовать островитянам, сбросившим когда-то идолов с постаментов, повергнувшим их лицами в песок и камень. Но вот пришёл человек Запада, тайный язычник, напичканный страхами и суевериями, и возродил низвергнутое. Интересно, как к такой реанимации отнеслись островитяне?

Плиты дорожек, петляющих мимо деревьев, теряются в яркой зелени травы и кустарника. Спасают указатели, во множестве расставленные на развилках и перекрёстках. Через десяток минут блуждания по зелёному ухоженному лесу он вышел на край просторной, залитой солнцем лужайки. Рядом высится большой куст рододендрона. С шипастых толстых стеблей свисают розовые бутоны размером в детскую головку. Запах от них одуряющий. И дальше: цветы, цветы, цветы... Цветущий райский сад среди вознёсшихся под облака пальм!

Все дорожки рукотворного леса сходятся к светящемуся полушарию высотой более трёх метров. Его плоское основание застыло на круглом фундаменте десятиметрового диаметра. Тор фундамента слагают каменные блоки, подогнанные невероятно искусно: швы можно заметить, лишь специально присматриваясь. Зрелище красочной полусферы привлекло туристов с «Хамсина». Над головами столпившихся людей Тайменев видит верхнюю часть сооружения. Цвет купола через равные промежутки времени меняется от голубого к зелёному и розовому. Только протиснувшись через ряды зрителей, он понял, в чём дело.

В глубине объёма полусферы поместился макет острова Пасхи пяти метров в поперечнике со всеми деталями ландшафта. Макет ритмично пульсирует, застывая ненадолго в трёх фазах. Каждая фаза имеет свой цвет. Голубой показывает прошлое острова, зелёный, – теперешнее его состояние, а розовый – каким он будет в недалёком будущем. При этом на полосе, окаймляющей макет по основанию, вспыхивают буквы поясняющего текста, а от них тянутся цветные стрелки к соответствующим местам мини-острова.

Зрелище впечатлило. Горы, дома, статуи, деревья, кусты, зелень травы, серость камня... Мастера-создатели макета отразили всё! Среди надписей бросились в глаза зелёные буквы: «Археологические изыскания». Выходит, на острове работают учёные, о чём нет упоминания в рекламных буклетах «Тангароа». Одна из зелёных стрел указывает на раскопки рядом с долиной Королей.

Интересно, подумал Тайменев, что они могут найти в самом оживлённом месте после всех исследователей, побывавших тут? К тому же, он это прекрасно помнит, – осадочных пород на острове нет, копать бесполезно, археологии практически нечем поживиться. Разве только в пещерах. А знаков, указывающих на открытые пещеры, на макете немного. И ни одной близ района археоинтереса.

Какая-то непонятность! Не успел созреть вопрос, как волна знакомого уже запаха гари хлынула на Тайменева. Неужели от макета? Николай посмотрел на соседей: никто ничего

не ощутил, никаких перемен в поведении. Он задумался: а что, если включился тот самый лишний энергетический конус, открытый десять лет назад? Но тогда запах, – или предупреждение о чём-то, или знак близости чего-то важного, которое нельзя пропустить. Или же сигнал опасности, подстерегающей где-то рядом...

Да нет, какой там конус! Что он, суперчеловек? Просто нервы разгулялись. Вдали от родины, один среди незнакомых и полужнакомых людей. Разве Франсуа... Нет, Франсуа не в счёт, они знают друг друга совсем ничего. У того позади своя жизнь, полная событий. И что скрывается за расположением Марэна: бескорыстная симпатия или тонкий расчёт? Неизвестно. И француз так увлечён алкоголем...

Конус, чакра...

Мнение о том, что все выдающиеся личности имеют те или иные отклонения-патологии, широко известно. Аристотель, Цельс, Павлов, Фрейд, Юнг, Выготский, Леонардо, Микеланджело... Не одна сотня имён, обогативших человечество свежей мыслью. Не много, но и не мало. Прошли времена.

Бывало, Николай считал себя чуть не гением, своим среди обогатителей, ускорителей прогресса... А что после них изменилось к лучшему? Средний возраст людей вырос? Здоровье укрепилось? Страданий стало меньше? Вовсе нет. Скорее, наоборот. Так почему же их чтут, делают из них кумиров? Если к лучшему ничего не меняется, мир катится вниз, думая при том, что совершает восхождение!? Так может быть, все эти гении-открыватели на деле ускорители падения? А понятие прогресса – фикция?

Вот это вопрос! Тайменев даже вздрогнул от его ересеобразной новизны. Чёрт-те что приходит в голову. Хорошо хоть запах горелого пропал, и он смог вернуться к модели острова.

Медленно обойдя кругом полусферы несколько раз, Николай попытался определить секрет большой игрушки, но ни до чего не додумался. Скорее всего, применена голография. Да и какая разница? Важно, что благодаря чудо-игрушке можно теперь ориентироваться без указателей. Он зафиксировал в памяти зелёную фазу. Она говорила, что туристы размещаются недалеко отсюда в коттеджах и палаточном лагере, по соседству с культурно-административным центром острова. Не успел отойти от макета на десяток шагов, как наткнулся на Франсуа Марэна и его сподвижника по забавам на «Хамсине» Пола Брэйера. Николай так и не составил о том определённого мнения, причиной чего считал характер Брэйера: никогда нельзя сказать, чему тот отдаёт предпочтение, а чего не любит; всегда ровный и спокойный, Пол не давал повода для откровенности, в отличие от Франсуа. Брэйер рядом с весёлым и жизнерадостным толстяком Марэном выглядит бледной тенью последнего. Взгляды людей, заметил Тайменев, скользили по лицу Брэйера не задерживаясь. Лицо Марэна отражает смену эмоций, и они притягивают людей к Франсуа, как бы соединяя в чувственном диалоге.

– Ты заставляешь меня и моего друга волноваться и ещё волноваться, – почти закричал Франсуа, радостно раскрыв глазки, – Коман сава? Мы здесь затем, дабы сопровождать тебя к месту жилища. Так у вас говорится? Я знал, что тебе понравится цветная игрушка и что я найду тебя здесь. Франсуа Марэн – лучший детектив в мире...

Окутанные облаком слов, непрерывно излучаемых Франсуа, они вошли в тень пальм, прошли рошу и оказались на зелёной равнине, застроенной каменными домами непривычной вкусу европейца архитектурной конфигурации. Чуть поодаль на юго-восток от каменного городка расположился палаточный лагерь. В перспективе над палатками, – зелёные холмы и серые камни невысоких вершин слагают линию близкого горизонта.

Здания, у которых суетятся пассажиры «Хамсина», не имеют фасадов: независимо от размеров их фундаменты и стены представляют правильные окружности; будто разбросали на местности цилиндры пособиями великанам для уроков геометрии, а мощная рука затем поставила их в беспорядке на круглые основания. Стиль прошлых веков, вовлечённый в современность...

Вытянутые в линию палатки напоминают военный лагерь, разбитый полководцем, любящим порядок и однообразие во всём, начиная от размеров солдатских портянок и кончая ростом и весом солдат. Все палатки сшиты из ткани одного, промежуточного между серым и стальным, цвета. Пёстро одетые люди среди них кажутся прохожими, случайно попавшими в батальную сцену снимающегося фильма. Глаз невольно ищет поблизости марширующие колонны, ухо пытается услышать звук скрипящих сапог.

Пока дошли до палаточного лагеря, Тайменев получил всю нужную и ненужную информацию о долине Королей, так быстро и неузнаваемо преображённой компанией «Тангароа». По словам Франсуа, местная власть очень заинтересована в развёртывании туризма: единственное всесторонне привлекательное место отдали чужестранцам. На острове, как и на лайнере, можно жить в любом из двух финансовых измерений. В одном, бесплатном, предусмотрены экскурсии по острову и близлежащей акватории, все бытовые удобства в палатке или коттедже, питание в отдельной секции пищевого центра. Стоимость услуг входит в стоимость билета. В измерении высшего порядка существуют бары, рестораны, видео и фотостудии, ночные развлечения с реестром изысканных наслаждений. Желающим предоставляется персональный гид. Размер удовлетворённости услугами зависит от размеров оплаты.

Слова Франсуа подтверждались многочисленными стендами с рекламой. Она звала, притягивала, обвораживала лицами, силуэтами, образцами товаров, видами услуг. Ночью тут всё должно гореть, сверкать, манить и радовать, – столько фонарей на столбах и стенах, переплетений неоновых трубок, свисающих отовсюду гирлянд.

Сине-красный мир

Франсуа и Пол отправились на «рекогносцировку» местности. Тайменев отказался, – не хотелось тратить энергию на поиски сомнительных удовольствий. Хороший сон, один из критериев жизненной нормы, требовал хоть чуть-чуть обжитого интерьера. Он осмотрелся. «Жилище», как назвал палатку Марэн, оказалось не из худших. Двухслойная, на шесть персон в полевых условиях палатка выглядит мини-дворцом в сравнении с апартаментами, опробованными в походах на родной российской земле. Три кровати тёмно-синего твёрдого пластика, из них одна без постельных принадлежностей. В свободном углу – музыкальный центр, видеодвойка, холодильник и передвижной бар. Электроэнергию не берегут, горят розовые шары в изголовьях кроватей и зелёный шар побольше под потолком. Пол застлан циновками, на них в беспорядке несколько плетёных кресел и два столика. Слева от входа занавеска голубого полиэтилена скрывает душ и туалетную комнату. Совсем роскошно, – даже коммуникации подведены. Строители не успели завершить кладку домов и использовали удачную мысль: на месте незавершёнки устроить палаточный городок.

Тайменеву понравилось: после тесной каюты ничего лучше и желать не надо. Да такую палатку он не сменил бы и на номер в пятизвёздочном отеле! Фирма «Тангароа» заставляет себя уважать, явно теряя на этом большие доллары.

Франсуа предоставил право выбора кровати, и Николай избрал ту, с которой можно видеть небо, если отбросить наверх полог входа. Скорее всего, до утра придётся побыть в одиночестве, – Франсуа не вернётся, пока не изучит окрестности и не найдёт себе приличный «уголок активного отдыха». Откуда только у него столь мощные платёжные ресурсы?! Ведь, по собственному признанию, он несколько лет как безработный. А до того простой водитель городского автобуса.

Но что он знает о нравах «Дикого Запада»? Франсуа может быть не тем, за кого себя выдаёт.

Постояв минуту в душевой под холодными струями, Тайменев отыскал в холодильнике несколько сэндвичей, бутылку минеральной воды и с аппетитом поужинал.

Накрахмаленные простыни приятно захрустели. Свежий воздух свободно проникает в палатку. Звон и шуршание насекомых, обильно населяющих воздушное пространство острова, остались снаружи. Наверное, полотно пропитали репеллентом, отпугивающим летучую братию. Молодцы ребята из «Тангароа», спасибо им. Вот тебе и фигура без головы! Низкие звёзды висят крупными жемчужинами. Луна где-то за спиной набирает силу, рассеивая невесомые атомы призрачного света. Наступает ночь прибытия, ночь исполнения мечты, волшебная ночь. Даже не верится: он ступил на землю, которая тянула с детства загадочностью и отдалённостью, даже недоступностью. Мысли текут ненавязчиво, подражая лунному свету; как и сегодняшним полднем, приходят неопределимые образы и спокойно уходят, оставляя невидимые следы в лабиринтах скрытого «я». Этот день показал, как мало он знает самого себя.

В голове мешались легенды и факты истории, сегодняшний день с его застывшими мёртвыми великанами и давние столетия с живущими в них создателями колоссов.

...Маке-Маке, верховный демиург, создавая Землю, Луну, Солнце, сотворил и всё живое. Рапануйские предания гласят: Вселенная рождалась в громе и молниях. «Красная вода», текущая в жилах Маке-Маке, растеклась по сотворённому миру жизненной силой, воплотившись всюду в виде маны, – таинственной мистической субстанции, питающей и поддерживающей птиц, зверей, рыб, духов аку-аку и людей.

Кусочек суши, названный много позже островом Пасхи, существовал с самого Начала. И его истинное имя, – Те-Пито-о-те-Хенуа, – Пуп Земли, центр человеческой вселенной...

Бледно-красочная картина прошла перед Тайменевым: новорождённая планета и пуповина, связывающая Землю с неким питающим источником. Возможно, и не было во времена рождения Земли острова Рапа-Нуи с сегодняшними очертаниями, а стояла высокая гора, теряющаяся вершиной в бездонном небе. Быть может, гора и предстала в глазах первых людей этой пуповиной. Ибо всё кругом было живым и одушевлённым. Или всё-таки пуповина имела в физическом варианте и восприняли её в образе горы? А образ затем обрёл геологическую суть? Тайменев плохо знает физиологию, но помнит, что в пуповине проходят пупочные артерии и вена, питающие плод во чреве матери. Когда наступает пора самостоятельности, время рождения, пуповина становится ненужной. Остаётся пуп неизгладимым напоминанием о зависимости, о беспомощности; напоминанием о том, что было и о том, что будет, – рождённому суждено умереть.

А ведь такие, или почти такие представления хранит память и других народов. Возьмём Веды, – наиболее древнее из известных священное Писание... Из пупка Бхагавана, – Верховной Личности Бога, – вырастает лотос. В лотосе рождается Брахма – первочеловек, прародитель человечества и нашей вселенной.

Если древние образы и понятия использовать в нынешней трактовке, ничего не поймёшь. Надо учитывать особенности восприятия мира древними, не понимать всё буквально, насколько возможно. Не всё пишется, что понимается, и не всё написанное выражается в звуке речи. К примеру, лотос. Символ первозданной чистоты, райского блаженства и незапятнанности, абсолютной духовности. Время Лотоса, – это время, когда человек ещё не успел осквернить земной Эдем стремлением к греху.

Носители санскритской культуры считали пуп одним из центров человеческого организма, рядом с ним – главнейшие энергетические фокусы, чакры, через которые осуществляется связь физического тела с его тонкими оболочками. Через чакры струятся потоки космической энергии. Той самой, на которой держится жизнь.

Мана, «красная вода» Маке-Маке...

И греки не обошли стороной пуп (в переводе на греческий – омфалос)...

Однажды Зевс пожелал обозначить центр Ойкумены и для того провёл интересный эксперимент, после ни разу не повторённый. Одновременно в двух направлениях, восточном и западном, он выпустил двух орлов. В месте встречи птиц установили камень небесного происхождения по имени Омфал. Пуп то есть. Не исключено, что камень сам упал в то место, где встретились облетевшие Землю орлы. Нельзя исключить третий вариант, – камень Омфал, Пуп Земли, всегда лежал там, где и надлежало ему быть в соответствии с именованным предназначением. Однозначного ответа нет. А вокруг Омфала греки устроили святилище, укрывающее центр мира.

Древняя жаркая земля Мекки... Чёрный камень Каабы, над ним библейский Авраам соорудил место поклонения Всевышнему. В седьмом веке нашей эры Кааба вновь стала центром мира, главной мечетью мусульман, целью хаджа – паломничества.

На острове Пасхи сохранились следы нескольких храмов. Вершину самого большого вулкана, Рано-Као, венчает святилище. Многие океанографы настойчиво утверждают, что во времена, когда океанийцы свободно путешествовали по морским просторам, остров Рапа-Нуи в целом являлся главным храмом Океании. Да и только ли Океании?

И сколько их, таких центров Земли?

Знания объединены единой темой и, тем не менее, – разрозненны. За ними – разгадка чего-то большого, но она не даётся. Не хватает остроты ума, той самой гениальности? Наука считает доказанным, что в этих самых местах особенная энергетика. Так что же, у Земли было несколько пуповин? Или Земля неоднократно испытала муки рождения? И осталось соответствующее число пупов, напоминающих о былом, хранящих неизвестно какие тайны. Не случайно они, – средоточия стольких загадок.

Веды, Бхагавад-Гита, Библия, Авеста... Надо бы заново перечитать. Посмотреть под другим, новым углом. В книжной библиотеке «Хамсина» нет их, и в компьютерную память они не введены.

А может быть, все эти аналогии-ассоциации – лишь плод его воображения, ушедшего в мистику? Бродят где-то рядом с палаткой аку-аку, невидимые духи Рапа-Нуи, и нашёптывают слова, путающие ум. Как всё-таки мало знает Тайменев Николай Васильевич, не такой уж и молодой преподаватель истории, считающий эту самую историю своим пожизненным увлечением. Ведь ещё утром он готовился поразить образованностью аборигенов острова. А у них наверняка существует скрытая, эзотерическая линия преемственности древних знаний.

На Земле сменилось столько эпох! И геологических, и исторических... Об одних мы только догадываемся, о других ничего не знаем. А ведь со сменой эпох очень многое уходит безвозвратно. Столь много, что по сравнению с сохранившимся можно считать: уходит всё! И процесс начинается заново. Кто может ответить на вопрос: повторяется ли история, в том числе человеческая, с её ошибками и достижениями? И что отнести к ошибкам, а что к заблуждениям? Что в нашей жизни приобретено нами, а что – наследство прошлых эпох?

Отпечатки тайн... Они могут быть во всём: в именах и названиях, в знаках письма, в монументах и статуэтках. Дошедших из миров, живших по-другому, для нас совершенно непонятно.

Река размышлений незаметно перенесла Тайменева в океан глубокого сна без сновидений. Около шести утра появился разгорячённый Франсуа, перевернул все свои вещи, нашёл что-то, и перед уходом шепнул Николаю:

– Не забудь, утро нормального человека начинается с рюмки и фруктика. В холодильнике всё есть. Я проверил.

Тайменев в полусне шуточно возмущился:

– Хотите спить? Кстати, как говорят в моём отечестве, кто у нас будет третьим?

– Третьего не дано, – немедленно среагировал Франсуа, – В третьем рядом с тобой нет смысла. Потому как поить тебя, Василич, нету сил. Компрене-ву?

С этими словами Марэн вышел из палатки, рядом заурчал двигатель автомобиля и Тайменев снова провалился в сон. Разбудил тот же Франсуа, на этот раз нарочито откровенным шумом. По разлитому в палатке сиянию видно, – солнце стоит достаточно высоко.

– Вам в России что, спать не дают? Ты помнишь, что я сказал пару-другую часов назад? Не мешало бы за мной записывать, везде пригодится. Тебе как другу советы даю бесплатно. А вообще подумываю открыть фирму советов. Не тех, не тех, не пугайся. Слушай ещё одну истину, и будешь совсем здоров. Итак, утром, – рюмочку с фруктиком. Вечером, – поглощение энергии молодых дам. Не нравится слово поглощение, заменим на обмен. Взаимообмен, – Франсуа раскатисто рассмеялся, – И чем она моложе, тем лучше: меньше всяких наслоений. Интеллект тут ни при чём. Выполняешь мои заветы, – и следующий день у тебя идёт лучше сегодняшнего. И так в прогрессии. Теперь радостная весть, она тебя быстро поднимет. Сегодня за завтраком в местах не отдалённых видел госпожу Эмилию. Вспоминала добрым словом, спрашивала. Да. Спасайся сам, я в ближайшие дни отсутствую...

Свой монолог Франсуа произнёс в одной тональности, не прерывая умывания, бритья, переодевания. Его бешеная энергия окончательно разбудила Николая и, потянувшись для порядка, он поднялся с кровати.

День, как и утро, пошёл неторопливо, ни шатко, ни валко. Бесплатный завтрак, входящий в стоимость поездки, незаметно перешёл в столь же неограниченный распорядком обед. Привычные временные ориентиры размылись, стало свободно и раскованно. Никуда не надо спешить, так как опоздать просто некуда. Время сомкнулось с вечностью и исчезло, растворилось в нём, а вместе со временем пропали заботы, беспокойства, – всё то, что, неумолимо

отсчитывая минуты и часы, подводит жизнь к роковой черте, не давая как следует подготовиться к переходу.

«Тангароа» мудро предусмотрела медленное вживание доверившихся ей туристов в новый мир и предложила на первый день только одно развлечение познавательного характера: посещение подземной пещеры недалеко от административного центра. Тайменеву всё больше нравились люди, спрятанные за вывеской с загадочным звучным словом «Тангароа», будто взятого из незавершённой реальности Александра Грина. Когда ещё туристический бизнес на Рапа-Нуи будет приносить ощутимую прибыль, а они уже сейчас нашли средства и предусмотрели столько для нормального отдыха на своём маршруте! То обстоятельство, что прибрежную гостиницу на Моту-Нуи не успели завершить «под ключ», добавляло местного колорита в быт, да и, на взгляд Тайменева, несколько не влияло на комфортность. Скорее, наоборот, ведь иначе к тем же пещерам пришлось бы ехать автобусами, по булыжникам необустроенных пока дорог, и в жару возвращаться.

Вспомнив красочные описания пасхальских пещер Туром Хейердалом, Николай Васильевич решил не терять времени и приступить к непосредственному ознакомлению с островом. Не включаться же в систему оздоровления «по Марэну», в самом деле.

На рекламных стендах рядом со зданием пищевого центра нашёл точку расположения пещеры и ознакомился тут же с условиями посещения. Оказалось, это совсем рядом, в четырёх десятках метров на север, за молодой эвкалиптовой рощей.

У входа в пещеру дежурит живописно разодетый туземец, с веером цветных птичьих перьев на голове. Используя пёструю, как и его одежда, смесь английского, испанского и рапануйского, что-то рассказывает десятку собравшихся вокруг туристов.

– Эсперо, сеньор, эсперо... Я жду вас, сеньор, – обрадовано воскликнул пещерный гид, заметив Тайменева, и тут же приступил к инструктажу о правилах поведения внутри пещеры.

Видно, Тайменев явился недостающим звеном в цепи, последней каплей в чаше, и гид посчитал, что именно такое количество необходимо для разовой экскурсии в недра его родной земли. Экскурсанты один за другим полезли в пещерный вход. Гид открыл, а Николай завершил процессию. По пробитому в монолите скалы туннелю можно идти свободно, только немного наклоняясь, если рост выше среднего. Установленные в потолке через каждые два шага тусклые фонари в меру рассеивают подземный мрак. После нескольких поворотов они оказались в помещении размерами в двухкомнатную квартиру, с отшлифованными стенами, в которых светятся застеклённые ниши. Пространство пещеры заполняет красноватый свет, источники коего Тайменев не смог обнаружить. Отражённые полированным камнем, потаённые лучи ложились на стены вязкой тяжёлой массой, стекающей кроваво-красными потёками на гранитный пол. Периодически под ногами раздавался сдержанно-сильный приглушённый вздох и прокатывалась дрожь, заставляя замирать в насторожённом испуге. Неискушённый посетитель должен находиться в постоянном возбуждении, чтобы посещение пещеры закрепилось в памяти как яркое приключение. Расширенные зрачки и робкое молчание спутников Николая сообщили: так и будет.

Освещённые изнутри стенные ниши, отгороженные прозрачным барьером, в мистически багровом освещении выглядят норами, ведущими в страшные глубины острова, где ворочается и вздыхает некто громадный и беспокойный. И, конечно же, в любой момент из этих нор может протянуться когтистая лапа или выглянуть змеиная пасть. На стеллажах ниш покоятся разнообразнейшие поделки из камня и дерева. Пояснительные таблички извещают, что туристы видят раритеты, бесценные, невообразимо древние... А копии этих единственных оригиналов, – добавляет гид, ставший в пещере немногословным, – можно приобрести в лавках фирмы «Тангароа» в долине и на пляже Анакена. Видно, что островитянину здесь не по себе и лишь сумма вознаграждения за труд удерживает от бегства на воздух.

Тайменова пещера разочаровала; образцово-показательных музейных спектаклей, рассчитанных на легковверную публику, он не любил. Если фирма собирается и далее преподнести экзотику в зажаренном и засахаренном виде, придётся пересмотреть тактику поведения на острове.

Ну зачем столь мрачное, кроваво-красное освещение? И вообще, не слишком ли много красного и тёмно-синего на этом острове? Или просто он сам, в силу неких внутренних индивидуальных причин, выделяет из всей гаммы естественных цветов два наиболее ему неприятных? И почему-то этим противным цветовым тонам предшествует и сопутствует запах... Запах дыма, оставляющий горечь во рту, остро проникающий в трахеи-альвеолы.

Запах и ало-фиолетовое как-то связаны между собой. А ведь до прибытия сюда ничего такого у него не было. Следовательно, сказывается влияние острова Пасхи. Всем ничего, а на него древность действует именно так. Видимо, неживые предметы, останки былого, испускают какие-то волны. Остаточное излучение, подобное реликтовому в космосе. А мозг Тайменова настроен в унисон первичным колебаниям, сообщённым каменным творениям их создателями и реагирует в местах особой концентрации древностей дымным запахом. Попутно волновой резонанс будит отвращение к крайним линиям оптического диапазона.

Чёрт те что, хоть к психотерапевту обращайся! Впрочем, это всё мелочи, наплевать да забыть. Кругом ещё столько интересного! А в себе можно покопаться по возвращению в Воронеж.

Успокоив себя, Тайменов перед ужином разыскал администратора круиза, здоровенного чилийца с тщательно выписанным на лице циничным превосходством. Сеньор Геренте, – господин Начальник, – как его называли островитяне, вынул из кожаного кейса несколько страничек машинописного текста и предложил Николаю самому ознакомиться с программой осмотра достопримечательностей острова.

На первый взгляд программа впечатляла. Кроме пустычных пунктов, подобных визитам в небольшие родовые пещеры и жилые дома островитян, планировалась экскурсия в Ханга-Роа, совмещённая с осмотром карьера Красных Париков. Предусмотрели два полных дня на изучение Рано-Рараку с каменоломнями. Значилось даже присутствие на публичном воздвижении очередного гиганта на своё аху... Тайменов ещё раз бегло просмотрел план, не обращая внимания на начальственное нетерпение сеньора Геренте. Как ни странно, названия Рано-Као или Оронго отсутствуют. Не значился и визит на место работ археологической экспедиции. На вопрос, как можно попасть в селение птицелюдей и к археологам, последовал весьма прохладный ответ: поскольку планом фирмы посещения данных объектов не предусмотрены, то они невозможны ни организованным порядком, ни каким иным. И ещё, добавил сеньор Геренте, во избежание неприятностей он не рекомендует проявлять излишнее любопытство на территории иностранного государства, где могут действовать строгие законы и традиции. При этом чилийский представитель интернациональной корпорации осмотрел Тайменова тяжёлым значительным взглядом, забрал план экскурсионного обеспечения пассажиров «Хамсина», молча повернулся и отбыл по своим делам. Освободившись от неприятного ощущения, сходного с прикосновением к голому телу ледяных рук, Николай Васильевич принял решение действовать самостоятельно. Традиции и законы, – оно конечно... Но да Бог не выдаст, свинья не съест... Не террорист же он, в самом деле.

Иначе просто нечего будет рассказать лучшему другу, Вене Астапову, археологу и настоящему профессору. Да и перед собой неудобно будет, – забрался на край света и ничего не посмотрел своими глазами, кроме заранее подготовленного сценария. Нацелившись на борьбу с местной и интернациональной бюрократией, он повеселел. Но неприятности не ходят в одиночку, а день ещё не закончился.

...Очень красные губы, очень фиолетовые глаза. Откровенная блузка цвета кожи, тесные джинсы. Гуляющий образчик красно-синей двуцветности! Тайменов тяжело вздохнул, сжал

челюсти и приготовился провалиться сквозь землю, будучи уверен, что так просто сбежать не удастся. Эмилия увидела и уйти не даст. Пока она торопилась навстречу, в голове Николая моментально всплыло всё, что о ней знает. Так получалось всегда, когда он видел Эмилию. Говорят, у погибающих достаточно медленной смертью перед глазами проносится вся жизнь. Подобный механизм включался у Тайменова при появлении в опасной близости красно-синей Эмилии. Только не жизнь вспоминалась, а то, чего и знать не хотелось.

А он-то надеялся, что она его оставила на твёрдой земле в покое, посчитал замечание Франсуа за шутку! Нет, Италия производит крепких и целеустремлённых дочерей. Не случайно мафия рождена итальянками; видимо, отрицание закона, непризнание общественного права будущие крёстные отцы впитывают с кипящим от любовной страсти молоком темпераментных матерей. Эмилия, урождённая сицилианка, изо всех сил старалась не уронить реноме соотечественниц. Но у Тайменова становиться папой будущего мафиози не имелось желания.

С первой встречи на «Хамсине» он воспринимает Эмилию непрерывно дрящимся взрывом, растянутым во времени, размазанным в пространстве; если взрыв станет направленным, то превзойдет разрушительную силу кумулятивного снаряда, прожигающего танковую броню. Подумав о танке, Тайменев невольно ощупал грудь руками, определяя место, куда направлен прицел двуцветного живого орудия разрушения мужской неприступности. Неудержимый темперамент Эмилии неизменно приводил его в состояние психической астении и при встрече с ней он получал такой стрессовый заряд, что потом приводил себя в порядок день, а то и два. Так бывало на «Хамсине». Возможно, виноват в том сам Николай, его гоголевский комплекс, вдруг сменивший неиссякаемую юношескую тягу к загадкам прекрасного пола.

Эмилия избрала Тайменова объектом интереса и постоянной заботы с первых дней плаванья. Только библиотечный образ жизни Николая позволял спастись от опеки без особых потерь. Теперь, похоже, она готовится взять его в плен надолго. Он ещё раз осмотрел окрестности и оценил обстановку. Нет, бежать поздно. До здания, за которым можно благополучно скрыться, вдвое дальше, чем Эмилии до него. Надо думать о жертвоприношении.

Вездесущая Фортуна пожалела Тайменова, распорядилась по-своему. Перед набиравшей скорость Эмилией с приветственно поднятой над головой левой рукой, посылавшей воздушные поцелуи правой, перед этой человеко-машиной атакующей симпатии внезапно возникло живое препятствие в образе невысокого островитянина в европейской одежде нейтрального серого цвета. Тайменев не успел увидеть его лица, но заметил вначале ошеломлённый, а затем заинтересованный взгляд Эмилии. Достаточно было ей опустить глаза на серый костюм, как Тайменев бросился вправо с мощёной дорожки и, стараясь не сбить кого-нибудь по пути, скрылся за круглой стеной культурного центра, оклеенной в промежутках между окнами афишами и рекламными листами.

Обретя безопасность, посочувствовал аборигену, остановившему Эмилию в полёте, чем бы тот ни руководствовался в спасительном для Николая порыве. Он благодарен ему, да и зауважал: ещё бы, вот так просто, без предварительной подготовки, остановить Эмилию представлялось невозможным. Интересно, зачем она понадобилась обладателю серого костюма и что он такое сказал, что смог мгновенно переключить внимание? Сейчас она, конечно, вернула инициативу и, разочарованная неудавшимся покушением на Николая, все свои силы и средства бросила на невольно сыгравшего роль камикадзе островитянина. Подбегая к своей палатке, Тайменев на уровне слуховой галлюцинации слышал голос Эмилии, обращённый к новому объекту её неиссякаемого интереса к жизни.

Утро седьмого дня на земле Рапа-Нуи открылось привычными словами Франсуа Марэна. Складывался своеобразный утренний ритуал.

– Василич! – «ич» звучало особенно мягко, по-кошачьи, – Расейский! Коман са ва?

Расейский Василич улыбаясь пробормотал, что здоровье в порядке, спасибо зарядке. Он знал: если утро начинается с таких слов Франсуа, день пройдёт удачно.

– Вижу, бьян! По твоему факирскому распорядку через полчаса надо изображать тигра или змею, – тут Марэн зарычал и оскалился, – По этому поводу замечу: ты, Василич, мазохист. Да! У меня слёзы на глазах от твоего самоистязательства. Пожалей себя. И меня, своего единственного друга. И попробуй недельку пожить по-людски. Бьян? А, Василич? Да ты посмотри на себя! На твоём стройном скелете навешано столько лишних мышц, что скоро он не выдержит и рассыплется на отдельные ценные мощи.

Критическая многословность Франсуа означала, что ему сегодня особенно тяжело. Пунцовые губы и воспалённые глаза подтверждали это. Ему бы поспать часов десять. Но Франсуа никогда не пользовался сном для приведения организма в порядок, считая, что покой размягчает и ослабляет. Судьба успела внедрить в организм Марэна несколько довольно серьёзных хронических патологий, и подобное отношение Тайменев считал геройским. Чего он не понимал, так парадокса: «геройская» позиция приносила положительные плоды, Франсуа избегал кризисных обострений и не думал о врачах.

Сегодняшним утром Франсуа требовалась морская ванна, чтобы, по его словам, дать встряску древнему органону. Николаю пришлось отменить тренировку по у-шу и взять на себя бремя сопровождающего.

В многострадальных сосудах Франсуа хозяйничал похмельный спазм и, компенсируя давление отравленной крови, он продолжал монолог, направленный против «мазохиста Василича».

В освежающей тени пальм стало полегче. Осушив предусмотрительно прихваченную Тайменевым банку пива, Франсуа почувствовал себя почти нормально и к моменту выхода на поляну с игрушечной моделью острова замолчал, обдумывая план дальнейших действий на день.

У прозрачного купола, меняющего цвет и внутреннее строение днём и ночью, толпились люди. Фирма «Тангароа» умело и привлекательно показывала, каким неприятно-запущенным был остров до начала освоения корпорацией; каким замечательным стал через два года; каким уютным и прекрасным будет в результате благотворного воздействия «Тангароа».

Тайменев и Марэн остановились.

Менялся цвет, мерцали стрелки-указатели, на глазах вырастали игрушечные пальмы, поднимались маленькие домики и большие отели... Николай попробовал отыскать места археологических изысканий. Но на сей раз не увидел и условного обозначения: зелёный кружочек и пульсирующая внутри лопатка, скрещённая со стрелой. Это не расстроило, – память сохранила в неприкосновенности увиденное в день приезда. До пляжа оставалось менее километра, до ближайшего лагеря археологов километра четыре. Николай посмотрел на Франсуа: тот выглядел вполне сносно и в страховке не нуждался. Теперь Тайменеву грозила роль объекта опеки, готового выслушивать мудрые сентенции о способах существования, выживания и предпочтительности неограниченного самовыражения.

На пляж не хотелось столь же остро, сколь тянуло посмотреть на работу археологов. Он откладывал визит к учёным со дня на день, самостоятельно занявшись детальным осмотром Рано-Параку. Приняв решение, Николай с некоторым смущением извинился перед Франсуа и с облегчением зашагал на юго-восток. Разве можно предпочесть переполненный пляж присутствию на раскопе древнего сооружения в таком месте, как остров Пасхи? И вообще, что может быть прекраснее, чем полнокровное ощущение разлитой вокруг чистой свежести? А она, свежесть, ощутимо струится от покрытых ночной росой кустарников и недавно подстриженной травы.

Через полчаса пошли нехоженые туристами места, Тайменев разулся; стопы ног заскользили по мокрому камню дорожек, и он сошёл на влажную холодную траву. Сюда бы Франсуа, да раздеть его, да повалить в травяной росе, – в считанные минуты бы ожил! Да нет силы, что сможет проделать такое с ним. Единственное, что не нравилось Тайменеву среди свежевзращенной зелени, так это арифметический подход к посадкам: дерево от дерева, ряд от ряда на одинаковом расстоянии. До безобразия симметрично, словно в каком-нибудь городском парке любого из городов большого мира.

Но вот посадки кончились, впереди открылось свободное пространство: каменистая пустыня, поросшая бледно-зелёной травой, кустами вишни, папоротником. И Николай подумал: всё-таки спасибо «Тангароа», пусть сажают хоть под логарифмическую линейку, чем никак. Его мнение, очевидно, разделяли и местные жители, идущие небольшими группами к заливу. Женщины одеты свободно, даже вызывающе открыто. Мужчины весёлые, беззаботные, многие навеселе. Привыкнув за последние три года к работе на «Тангароа», они не могли найти занятия и слонялись целыми днями по долине Королей, стараясь держаться поближе к людям Запада и их развлечениям.

Тайменев не знал: то ли сочувствовать им, то ли осуждать. Два-три года назад многие из них ловили рыбу, пасли овец, возделывали землю... «Тангароа» приостановила преобразование острова, но аборигены не желали возвращаться к труду, завещанному предками. Компания щедро оплачивала работу островитян, а с приходом «Хамсина» число туристов удвоилось.

И, отвечая на приветственные возгласы: – «Сеньор Дорадо, присоединяйтесь к нам, мы здорово веселимся», – Николай думал о том, как легко всё-таки человек привыкает к комфорту и безделью и отвыкает от тяжёлого труда и лишений. Пусть даже комфорт минимальный. И процесс одинаково скоро идёт как в сёлах-городах родной Воронежской области, так и среди туземцев далёких островов Океании. Радостно такое или печально, цивилизующая поступь прогресса неостановима.

На опушке молодой рощи к нему подошли шестеро мужчин среднего возраста и, сдержанно поприветствовав, остановились рядом. Всё то же, ставшее привычным, обращение: сеньор Дорадо, господин Золото. Прозвище, данное детьми за сверкающие украшения на его кепи, которые он вовремя не снял.

Николай приготовился было к обмену любезностями и выражению глубоких чувств международной солидарности, но ошибся.

На сей раз получилось по-другому. Поведение этой группы резко отличалось от всех прежних. Оказалось, эти шестеро против прогресса на острове, за сохранение традиций и привычек, унаследованных от предков.

Тайменев впервые услышал слова благодарности за внимание к их детям, за то, что сеньор Дорадо тратит своё время на воспитание из них настоящих мужчин.

«Ведь в последние годы наши мальчики растут неженками, хиреют, и многие неспособны на то, что совершают старики...» Открытием для Николая стало, что они знают о России, много о ней слышали, но впервые видят русского и беседуют с ним.

– Теперь, – заметил старший в группе, – мы знаем, что русские хорошие люди.

И они просят передать его соотечественникам уважение рапануйцев. Тайменев серьёзно пообещал исполнить просьбу, улыбнувшись про себя возможной реакции его соседей по подъезду на привет от аборигенов острова Пасхи, о котором они ни разу в жизни и не слыхивали. И подивился детской наивности этих людей, озабоченных будущим своей маленькой общины. Расстались они со взаимными пожеланиями здоровья. В заключение русского гостя попросили чувствовать себя на острове свободно; и ничего не бояться, они рядом и придут на помощь. Весьма странное уверение, вызвавшее у Николая ощущение близкой опасности...

Итак, маленькое сообщество пасхальцев столь же неоднородно, как и весь окружающий мир. Впрочем, такое естественно. Раздумывая над тем, кто же из них более прав, Тайменев наткнулся на громадную палатку. Рыже-жёлтые, серые и бледно-зелёные пятна на брезенте маскировали её весьма удачно.

Закреплённая на пяти кольях с длинными растяжками, палатка скрывала расположенные за нею развалины каменного сооружения. Вход в палатку находился с той стороны. На полутораметровой алюминиевой стойке желтела табличка с красной надписью на английском: «Археологические раскопки. Посторонним не входить». Ниже, – синяя дублирующая надпись синим на рапануйском. От таблички в обе стороны тянулось ограждение: привязанный к железным штырям капроновый шнур с жёлтыми и красными флажками через каждые два метра.

Постояв минуту в нерешительности, Тайменев вспомнил напутствие местных жителей и решил, что он не посторонний. К тому же лучшим другом у него не кто-нибудь, а известный в мире археологии Вениамин Астапов. Да и сам «Василич» с его помощью успел кое-чего поднабраться, не раз бывал на раскопках, знает что к чему. Ему не надо объяснять, что да как. С такими обнадёживающими мыслями он решительно перепрыгнул через шнур и обошёл палатку.

Полог беспечно свёрнут над входом, солнечные лучи падают на пять кроватей, застеленных с армейской тщательностью. Три мощных холодильника высотой под три метра, моноблок, цветомузыкальная установка, мигающая огоньками в дежурном режиме стационарная радиостанция, рядом с ней зеркально-прозрачный бар. И, совсем уж удивительно, – параболическая спутниковая антенна. И, – фиолетовый сумрак, пронизанный льющим из-за спины Тайменева ало-золотым сиянием. Николай тряхнул головой: вспомнилась пещера, подготовленная для незадачливых туристов. Есть что-то общее...

Нечего сказать, обустроились археологи роскошно! Ничто из предметов не указывало на профессию жильцов, а в организации порядка, чистоте проявлялась твёрдая начальственная рука. Как-то непохоже на жизнь учёных...

Ну да ладно, быт, – личное дело каждого. Не решившись войти, Тайменев направился в ту сторону, где, по его разумению, должны производиться работы.

В двух десятках шагов – постамент для каменных статуй; возвышение, сложенное из вулканической породы. Такие, напоминающие алтарь каменные постройки времён первого периода в большом числе рассредоточены вдоль побережья по всему острову. Обращённые фасадом к морю, поднятые на высоту до трёх метров, они ориентировались строителями по солнцу; само аху составляли из больших, тщательно подогнанных камней. Фасад отделялся особенно заботливо, а позади большого возвышения-аху делалась ещё одна площадка поменьше, на ней размещались небольшие, изящные в древнегреческом стиле скульптуры. Обе площадки соединялись в единый ансамбль каменной стеной-валом. Размер таких сооружений часто достигал полусотни метров в поперечнике.

Подойдя к внешней стороне стены, Николай увидел несколько брошенных на обнажённый туф облицовочных плит; в расщелине между камнями торчит железный лом. Кругом вала протянулась канава полуметровой ширины, выкопанная вручную. Время за сотни лет нанесло здесь немного земли, – культурный слой глубиной всего сантиметров тридцать-пятьдесят. Пройдя дальше вдоль канавы навстречу солнцу, Николай увидел несколько брошенных рубил из андезита, родственной базальту породы, но более твёрдой. Рядом в деревянном ящике, – широкие, с острыми зубцами на гранях обсидиановые наконечники для копий, – матаа. Близ них лежат навалом десятки костяных игл. Необъяснимый, непонятный беспорядок! Какой контраст с тем, что в палатке. К тому ж всюду дикое сочетание алых, освещённых солнцем плоскостей и чётко очерченных густых синих теней. Земля и солнце...

Опершись рукой, Николай перемахнул через стену. С внутренней стороны признаков археологического интереса не наблюдалось. Дойдя до возвышения-аху, он так и не обнаружил

следов вмешательства в историю. Ни тебе теодолита, ни другого измерительного инструмента. Хоть бы линейку простенькую найти. Ничего! Только штыковые лопаты и ломы с внешней стороны, нет ни метёлочек, ни деревянных лопаток... Или они всё куда-то прячут? «Впрочем, мне-то какое до этого дело?» – спросил себя с укоризной Тайменев. И ему стало неудобно за излишнее любопытство в отсутствии хозяев. Интересно, куда делись сами археологи, ведь день обычный, рабочий, а дел здесь ещё...

Внимательно осмотрев аху, Николай ощутил свойственный нежилым сооружениям и помещениям, вообще всем запущенным человеческим строениям горьковатый запах запустения. Нет и специфического духа, сопровождающего подобные работы, знакомого ему по раскопкам палеолитических стоянок в Костенках на берегу Дона. Конечно, совсем необязательно проводить параллели с тем, что случайно узнал за многие тысячи километров от острова, в совершенно других условиях. Он огляделся. Показалось вдруг, что за дальним поворотом стены шевельнулся кто-то и замер. Послышался шорох и затих сразу. И давление взгляда... Тайменев выкрикнул по-английски приветствие и извинения, повторил на рапануйском. Никто не ответил, тишина висела над древними камнями. Николай решил, что показалось-послышалось. Почему бы и нет? И обстановка необычная, и нервы несколько напряжены. Но возникшее чувство тревоги осталось и сопровождало весь день. Скорее всего, оно шло от разочарования, – не увидел того, чего ожидал, не встретил тех, кого хотел. Не удалось познакомиться с археологами, работающими на легендарном острове Пасхи! Придётся вернуться сюда как-нибудь в другой день. Может быть, основные работы ведутся в другом месте. Надо бы поинтересоваться.

Обратный путь выбрал поближе к берегу, чтобы выйти прямо к бухте Анакена. После длительной и безуспешной прогулки захотелось окунуться в море и смыть тягостное ощущение неудачи и неизвестно откуда взявшейся тревоги.

Океан шумел близко, за тридцатиметровой отвесной стеной внизу.

Николай подошёл к обрыву. В тёмно-зелёной бархатистой дали на половине расстояния до линии горизонта темнеют два незнакомых островка. Синие сгустки на зелёном фоне, – откуда они? Их не должно быть тут. Но они были и на них кипит жизнь, отсутствующая на стоянке археологов. Оценив расстояние до островов, понял, что с берега бухты, с пляжа, да и с мола их не заметить, там они за пределами прямой видимости. Присмотревшись, понял, что острова – рукотворные; с высоты хорошо заметно, что работы близятся к завершению. Сверкают огни сварки, в их блеске Тайменев смог разглядеть крошечные издали ангары и причалы.

Теперь ясно: строятся пристань для океанских кораблей и аэродром для больших самолётов. Такие сооружения в океане экономят дефицитные земли и заметно снижают экологическую нагрузку. Естественно, экскурсии туда не спланированы, кому это надо. А вот для чего они маленькому, не имеющему никакой, кроме познавательно-исторической ценности, острову, непонятно. Да пути бизнеса непознаваемы. Нечего влезать в такие дела: ни пользы, ни удовлетворения не получишь, сплошная проза дебета и кредита. Вероятнее всего, островки станут перевалочными базами на транстихоокеанском маршруте.

Тайменев приблизился к бухте. Причалы почти пусты, яхты и лодки задействовали туристы для прогулки по морю за северо-восточный мыс. Оттуда стройплощадки в море не увидеть. Белой громады «Хамсина» на внешнем рейде не наблюдается.

В пункте проката подводного снаряжения Николай за полдоллара обзавёлся ластами, маской и трубкой, договорился с «бизнесменом» -островитянином, что оставит снаряжение на другой стороне залива дежурному по пляжу.

Прилив поднял воду почти на метр. Тайменев заморожённо рассматривал владения Нептуна. Коралловое поле... Изрезанное глубокими норами, оно таит в себе самых диких обитателей. Складчатые холмы подводного рельефа чередуются с впадинами и расще-

линами, пестреют радугой. Свежие наросты твёрдых кораллов светятся в солнечных лучах. Кольшутся мантии мягких кораллов, меняя тональность от тёмно-коричневого до светло-шоколадного; жёлтая каёмочка по их краям причудливо изгибается, следуя капризам течения. Чудные, чистейшие краски! На суше таких радужных цветов не отыскать.

Тайменев решил пересечь бухту не торопясь, по прямой. Сине-красный мир остался позади, в другом измерении. А здесь, – другие хозяева, иные правила. На глубине пяти метров, обхватив щупальцами чёрный камень, замер рыже-коричневый осьминог. Поводя осмысленными круглыми глазами, он с человеческим любопытством следит за проплывающим над ним существом с громадным двухзрачковым глазом.

Тайменев столкнулся с осьминогом взглядом и ощутил давление рассудка ничуть не меньшего, чем его собственный. Во всяком случае, в зеркале он иногда встречал взгляд менее разумный. Тайменев знает, – взаимопонимание недостижимо, они живут в разных вселенных, их мышление никогда не соприкасалось, не имело общих единиц-атомов, даже сходных чувственных образов. И всё-таки он попробовал поговорить с соседом по планете, рисуя руками разные фигуры. Осьминог не отреагировал, сохраняя спокойствие восточного мудреца.

Водонепроницаемые часы Николая показали: прошёл час, пока он достиг песка побережья. По сравнению с коралловым полем песчаное дно выглядело пустыней. Редкие малые рыбёшки да выдвинутые перископами глаза зарывшихся в грунт крабов... Тайменев коснулся одного из них рукой: сине-голубой клешеносец рывком выбрался из песчаного укрытия и боком, но резво уплыл в поисках нового убежища.

Бескорыстие Те Каки Хива

После неудачного посещения археологических раскопок прошло несколько дней. Тайменев успел выработать суточный ритм-режим: ранний подъём, часовая разминка за пределами палаточного лагеря, контрастный душ, завтрак, прогулки по острову, обед, послеобеденный отдых, снова прогулка с вечерней тренировкой где придётся, ужин, вечерние размышления в кровати о пустяках в сопровождении музыки или развлекательного видеофильма... «Что может быть лучше?» – спрашивал он себя каждый вечер.

Во время прогулок Николай стремился избегать человеческих скоплений, но не удалялся более двух километров от долины Королей, – дальше неуютно, посадки отсутствуют и открывается перспектива серого мира, кое-где приукрашенного бледно-зелёными пятнами чахлой травы и низкого кустарника. Когда же залив свободен от снующих по нему камышовых лодок и яхт, – а такое случалось в ранние утренние часы не каждый день, – он брал маску с трубкой и ласты. Коралловое поле успокаивало, постепенно он сближался с ним. Но очередное randevu с давним знакомым осьминогом окончательно убедило: мир воды и мир суши взаимно чужды.

С Франсуа Николай встречался один-два раза в сутки; как правило – вечерами. В отличие от отношений с осьминогом, с марсельцем контакт имелся, более того, – укреплялся. Друг другу они не мешали, а редкость встреч усиливала взаимную симпатию. Универсальный закон дефицита действовал, порождая желание иметь то, чего нет или недостаёт. Им не хватало друг друга.

...Давно горит Южный Крест, но Николай Васильевич старается не заснуть до прихода Франсуа. Обычно тот перед наступлением «тёмной жизни», – так назывались бессонные ночи, – прибегал на часок переодеться, побриться, привести себя в порядок и поделиться ценными наблюдениями и советами. Получив информзряд, Николай спал беспробудно, без сновидений. Франсуа тоже оставался доволен такими встречами и уходил в «тёмную жизнь» в благодушном настрое. Сегодня он задерживался, и Тайменев в ожидании плавал в звуках неизвестной симфонии, льющейся из стереодинамиков музыкального центра. Он плохо разобрался в классике и, изрядно сомневаясь, склонился к тому, что звучит Моцарт. Заключив сам с собой пари, ждал судью, которым успешно мог стать Франсуа Марэн.

Увлёкшись музыкой, не сразу услышал негромкий голос у входа в палатку.

– Буэнос диас, сеньор. Разрешите вас побеспокоить...

Чтобы рассмотреть неожиданного гостя, Тайменев прибавил мощности лампе над изголовьем. Посетитель понял это как приглашение войти.

– Грация, сеньор, грация... Спасибо!

Невысокого роста островитянин склонил в почтительном поклоне голову. В свете лампы кожа его лица приобрела фиолетово-чёрный цвет, выделились глубокие морщины, выдающие возраст и трудную жизнь. В одежде: обычная на острове смесь деталей европейского и местного стилей. В руках, – мешок неприглядно-серого вида, в пятнах сырой земли и влажного песка.

«Продавец, – решил Тайменев, – Сейчас он попытается всучить товар, выдаваемый за изделия далёких предков. Ничего, послушаем-посмотрим. Скоро придёт Франсуа, он умеет с ними говорить. Да и где ещё вот так ночью к тебе придёт абориген-рапануец, существо иного совсем мира? Отказываться никак невозможно».

Николай повеселел. Такое на острове случалось нередко: лишённые работы мужчины посещают приезжих, предлагают статуэтки, изображающие людей, зверей и какие-то загадочные предметы из древних культов.

Поднявшись с кровати, он облачился в спортивный костюм, выключил радио и предложил посетителю плетёное из местного камыша тотора кресло. Повторяя слова благодарности, тот весьма уютно и непринуждённо присел и аккуратно устроил на коленях мешок. Рядом

со световым шаром лицо обрело черты мягкой приятности, свойственные большинству рапануйцев, острый взгляд цепко обежал интерьер палатки.

– Чем обязан? – спросил Тайменев, стараясь одновременно быть вежливым и оставаться на дистанции, чтобы не дать повода к мистификации и обычному надувательству, бесхитростному, но достаточно распространённому.

Ночной бизнес на острове имел свои законы, известные туристам «Хамсина» с первых дней.

– Сеньор Дорадо, извините за беспокойство. Но я знал, что вы не спите. Вы не пожалеете о встрече, я слышал о вас и знаю что говорю. Не считайте меня простым ночным торговцем, я пришёл не продавать, я пришёл дарить.

Неожиданное заявление почти ошеломило Тайменева. Он даже обеспокоился, – вдруг за бескорыстием таится «крючок», на который он должен «клюнуть». Подумав об этом, покраснел, поймав себя на предвзятом недоверии и подозрительности к человеку незнакомому. И, возможно, достойному уважения. К тому же в «торговой развращённости» островитян виновны такие как он, Тайменев, в первую очередь. Нет спроса, – нет и предложения. Но полностью развеять сомнения не удалось. И беспокойство, родственное тому, что появилось при осмотре стоянки археологов, вновь вернулось. Сомнения сомнениями, но такой устойчивой подозрительностью он никогда не отличался. Отсюда недалеко до лицемерия и прочих грехов, так обычных за пределами рапануйского мира. Странно, что он начал «цивилизываться» не внутри цивилизации как таковой, а там, где ещё наличествуют откровенность и полудетская доверчивость.

Наверное, поток жизни несёт его в каком-то своём направлении, независимом от желаний. А как противостоять течению, если не знаешь, куда оно направлено? И сегодняшний гость, – просто звено в цепи тех самых событий, которые и составляют фарватер реки судьбы; гость не обязательно знает об этом, его задача, – сыграть свою роль и уйти в сторону, уступив место рядом с Тайменевым кому-то другому. Подобные встречи могут круто изменить течение реки...

Нет, сеньор Дорадо, определённо вас куда-то несёт, недаром Франсуа предупреждает: действуя вне общих стандартов, рискуешь попасть в «полосу бытовой неустойчивости и повышенного травматизма». Правда, он имел в виду желание Тайменева посетить Рано-Као и Оронго, но замечание бесспорно имеет общий смысл.

Тем временем туземец, не слыша возражений, использовал возникшую в беседе паузу и вытащил из мешка несколько каменных и деревянных фигурок, расставил их на шахматном столике рядом с креслом. Фигурки заняли клетки на чёрно-белом поле, обозначив позицию неизвестной Тайменеву игры. Скрученная в кольцо змея, какая-то рыба, человеческое ухо, маленький исполинчик на крошечном аху... Вот это интересно! Похоже, модель аху вырезана не как обычно из единого куска камня, а склеена из множества кусочков. Достигнута максимальная приближённость к оригиналу. Мастерство исполнения всех поделок бесспорно, – скульптор передал не только внешнее сходство с объектами изображения, но и перенёс на копии характер, суть изображаемого. И, – тщательность работы!

Тайменев выделил из всех предметов на шахматном столике увеличенную копию человеческого глаза и взял её в руки.

– Сеньор, я так и думал! Да, я так и думал! – воскликнул рапануец.

Он возбуждённо переводил глаза с лица русского туриста на его ладонь, где, освещённая боковым светом электрической лампы, играла светотенями скульптурка жёлтого камня. Тело туземца напряглось, пальцы рук задрожали.

– Те Каки Хива не ошибается, сеньор Дорадо. Сеньор сразу выделил глаз. Я скажу почему: аку-аку глаза сильнее, чем аку-аку всех остальных фигурок вместе взятых. Я даже

открою сеньюру маленькую тайну: глаз сам выбрал сеньюра и потому сейчас в его руке. Он ваш, сеньюр Дорадо! Да, это ваш глаз, сеньюр...

«Это ваш глаз!»

Почему бы не сказать: «Этот глаз ваш!»

Те Каки Хива так убеждённо произнёс коротенький монолог, что Тайменев невольно ощупал рукой своё лицо. Стало на мгновение жутко, словно оказался на жертвеннике. Оба глаза на месте. Успокоившись, решил, что если каменный глаз принадлежит ему, то он третий по счёту и дело не так уж плохо. Абориген со странно звучащим именем в чём-то прав: фигурка на ладони действительно смотрится как у себя дома и в игре теней живёт собственной жизнью, меняя выражение как самый настоящий живой глаз. Слово «выражение» в данном случае не совсем подходит, но более точного Николай не смог подобрать. То веселье, то угроза, то спокойствие исходят от загадочного глаза при перемене положения руки. Восхищённый смелой впечатлений-отражений, Тайменев не сразу вернул внимание своему гостю.

За какую-то минуту Те Каки Хива успел преобразиться, словно достиг очень для него важной цели, и теперь ему не о чем беспокоиться. Неторопливыми точными движениями рук он поочередно брал со столика фигурки и, осматривая их пристальным, чуть ли не гипнотическим взглядом, что-то разъяснял. Слушая не очень внимательно, Тайменев пытался понять, чем живёт этот, вне всякого сомнения, интересный человек. Язычеством, магией, истинной верой? Вернее всего, у него, как и во всём здешнем обществе, все три источника перемешались и слились. И как определить, что в итоге получилось? У них тут каждый предмет обладает своим аку-аку, независимым духом. О живых существах и говорить нечего. Чем не ангелы-хранители эти самые аку-аку? И в то же время они, – явный момент языческого поклонения второстепенному, теневому. Копии предметов, сделанные из камня или дерева, по убеждению рапануйцев, увеличивают мощь оригиналов, придают им новую, свежую силу.

Николай много читал и слышал о верованиях населения Рапа-Нуи, – Большого Острова, – но так и не разобрался в них. Не складывалась цельная картинка, не открывалась осмысленная система... Взять многократно повторенные копии, к примеру, спаренные или строенные: они увеличивают силу соответственно во столько же раз. Таким же образом, аналогично растёт и сила аку-аку. Так, если сделать много изображений крабов или лангустов, то их колонии у берегов острова быстро увеличатся и, естественно, возрастет улов. Вот так легко и просто можно повысить благосостояние. А они почему-то занялись мелкой торговлей и ожиданием работы от всемогущей фирмы «Тангароа»...

Те Каки Хива разъяснял, Тайменев размышлял.

...Стержень взглядов аборигенов можно представить предельно наглядно: между рапануйцами и аку-аку, как своими так и чужими, действует элементарная магическая связь, подчинённая закону «Ты мне, – я тебе». Ещё один универсальный закон человеческого бытия! Вот только каково место глаза в системе местной магии? Предки островитян любили изображать глаза, они встречаются на многих скалах рядом с изображениями птицелюдей. Интересно, что глаза исполинам делали в последнюю очередь, после установки на аху. Зачем так усложнять работу?

«Итак, что же мы знаем о глазах? – спросил себя Николай, – Глаза – зеркало души. Раз. Сильный взгляд, магический взгляд и тому подобное. Два. Порча, сглаз... Три. Немного, очень немного».

Тайменев свободной рукой взял со столика свитую в кольцо деревянную змейку. Змеек оказалось три, свёрнутых в клубок.

– Зачем понадобилось сплести сразу три змеи? – задал вопрос Николай, – Что думает Те Каки Хива?

– Те Каки Хива думает, что змея получает тройную силу. И если мой аку-аку ослаб, я могу носить тройную змею с собой, чтобы стать крепче.

Неожиданно пришла в голову интересная мысль.

– Потому и статуи на аху устанавливали группами? И чью же силу они должны увеличивать? Ведь сейчас их почти все вернули на свои места. Если это так, как вы говорите, то их сбросили с площадок-аху не просто ради забавы или мести, а чтобы лишить кого-то силы и могущества. Что же думает Те Как Хива?

Туземец растерянно заморгал, уставился в пол и после минутного замешательства сказал:

– Сеньор Дорадо, я пришёл не за этим.

Уйдя таким недипломатичным образом от ответа, он запустил коричневую руку в опустевший мешок и достал пакет из плотной бумаги.

– Вот мой подарок, ради которого я пришёл. Но одна просьба, сеньор Дорадо: никому не говорите о моём визите. Администрация запретила нам ночные посещения и мне не хотелось...

Не договорив, Те Каки Хива поднялся с кресла, скомкал грязный мешок и, не прощаясь, растворился в темноте за палаткой. Тайменев подумал о нелепости запрета на посещение островитянами туристов, но решил, что и это не его дело, развернул пакет. На столике оказалась стопка цветных и чёрно-белых снимков одинакового формата.

Тайменев с детства редко расставался с фотоаппаратом. Приобретённый опыт позволил определить сразу: принесённые островитянином Те Каки Хива фотографии сделаны не любителем. Фотокамера во всех случаях укреплялась стационарно, точки съёмки выбирались умело, фотограф – эстет-художник.

...Горы, развалины строений, жилые здания, люди, исполины, статуи и статуэтки... Тайменев перебирал снимки и восхищался, не вдаваясь в детали. Общее впечатление передавалось одним словом: замечательно! Франсуа сказал бы: «Восхитительно, трэ бэль! Вот так хотел бы снимать и ты, Василич?»

Да, какие виды! Какие краски на цветных фотографиях! А тени на чёрно-белых? Они создают прямо живые объёмы! А вот этот снимок вообще неповторим: вид острова Пасхи сверху. Аэрофотосъёмка? Спутник? Ведь вертолётов здесь никогда не бывало. Или попытка мистификации? Нет, едва ли, слишком натурально. Ни в одной лаборатории не создать абсолютного подобия целого острова. Да и зачем? Тут Тайменев вспомнил совершенство модели недалеко от пляжа и нахмурился. Опять подозрительность, надо построже следить за собой.

Но снимок с высоты птичьего полёта всё-таки невероятно красив. Сверху остров напомнил Тайменеву какую-то фигуру из геометрии. Треугольник? Нет, не похоже, да и кто-то уже делал такое сравнение. Признали неудачным. Да и причём здесь геометрия? Просто волнение. Понятно, мысли мешаются, такое не каждый день увидишь. Действительно, подарок, – всем дарам дар, прямо царский. Тайменев обрадовался тому, что Франсуа, судя по всему, не появится до рассвета, и ничто не помешает насладиться неспешным рассмотрением уникальных фотографий.

Пальцы сами сортировали снимки...

Каменоломня в Рано-Рараку, несколько каменных гигантов, какой-то полинезиец, поселение в Оронго. Интересно, можно ли получить негативы? Надо бы ещё встретиться с загадочным Те Каки Хива. Неужели он и есть мастер? По внешнему виду не скажешь. Надо думать, подарок не прост, что-то за ним последует...

Прошло меньше часа, и на шахматном столике рядом с каменными и деревянными игрушками, рядом с отставленным в сторону забытым глазом выросли две пачки фотографий, примерно равные по объёму.

Николай Васильевич удивился: зачем это ему понадобилось делить их на две части? Машинальные действия вне видимой системы? Пируэты подсознания, работа интуиции? И то, и другое с ним бывало в моменты сильной увлечённости, когда, как говорится, левая рука не знает, что делает правая. Помнится, всегда получалось хорошо.

«Проверим, что вышло», – сказал он себе. Взял верхний снимок из левой пачки и верхний из правой. На левом, – Харе-пуре, святилище у Рано-Као, на правом, – какие-то развалины, может быть, аху. А, вот в чём секрет! Стены святилища в Оронго на левой фотографии окружает радужная оболочка, ореол из нескольких чистых цветов, повторяющий внешний контур здания. На правом снимке аура отсутствует. И так на всех из пачки слева: предметы, отображённые там, окружает цветная кайма. Правые снимки, – обычные, без всяких фокусов. Это же надо! Неужели-таки профессиональная подделка, стремление подшутить над сеньором Дорадо? Не случайно Те Каки Хива просил молчать о его визите.

Но нет, такая шутка слишком дорогое удовольствие. Для создания подобных фальшивок нужна совершенная аппаратура и соответствующая технология. Цель не соответствует средствам. Ответ надо искать в другом направлении.

Где-то он видел похожие фотографии... Память услужливо напомнила: некая группа по изучению парапсихических явлений опубликовала в популярном журнале несколько снимков ауры человека. Похоже... Слышал он и об опытах по фотографированию биополей в разных диапазонах излучений, даже мыслей, истекающих из мозга, и каких-то невидимых обычным глазом существ, сопровождающих людей. Но там – человек, живой организм, микрокосм. А здесь камни!

Тайменев пристально всмотрелся в снимок святилища в Оронго, поднёс поближе к лампе. Тут аура наиболее яркая и мощная. Снимок сам по себе очень хорош; и легко можно отыскать точку съёмки на местности, если понадобится. Аппарат использовали явно не цифровой, что импонировало, он тоже предпочитал в таких делах старину. А уж качество плёнки, длина экспозиции, – дело техники. «Неужто мы хуже других?» – привычно спросил он себя, отметив: решение принято. И жизнь, судя по всему, меняется снова.

Много позже, находясь далеко от Рапа-Нуи, Тайменев ясно понял неординарность, многоходовую предопределённость ночного посещения и подарка Те Каки Хива. Но к рассвету той ночи склонился к естественности поступка аборигена. Последние год-два стремление получить выгоду, пусть самую ничтожную, стало главным в жизни многих пасхальцев. Николаю это известно от мальчишек, увлечённых тренировками по восточному единоборству. И щедрость ночного гостя он объяснил как проявление благодарности за работу добровольным тренером. Само собой разумеется: признательные отцы, родственники...

... Не наступило ещё для Тайменова Николая Васильевича время связать знаки близости тайны воедино...

Однако решение принято, пора в Оронго.

В волнении он встал и, выйдя на свежий воздух, удивился: поднимается рассвет, вот-вот выглянет солнышко. Чувствуя лёгкую усталость, Тайменев стал выбирать, что сделать в первую очередь: лечь в кровать и хорошенько расслабиться или пробежаться за пределы палаточного лагеря по привычному маршруту и провести короткую разминку. Не утруждая себя сравнением шансов в пользу того или другого варианта, взял монетку: выпадет орёл – кровать; решка – освежающая тренировка.

Но и монету бросать не пришлось, услышал знакомые голоса. Сообщали о себе дети Большого Острова, заметившие его с возвышенности северо-восточнее лагеря. Там, в полутора километрах и пятнадцати минутах быстрой ходьбы, Тайменев обычно проводил утреннюю тренировку. Дети обладали удивительным чутьём, – они ждали его в нужную минуту в нужном месте, – там, где он собирался заняться у-шу: либо здесь по утрам, либо по вечерам где придётся. Так что он никогда не назначал ни время, ни место следующей встречи. После памятной встречи со взрослыми аборигенами, поблагодарившими за первые два-три совместных с их детьми занятия, он уже не мог отказаться от роли доброго наставника. Как быстро идут изменения на острове! До прибытия «Хамсина» дети и не слышали об у-шу или кунг-фу, а сейчас демонстрируют многие позы тигра и дракона из любимых тао Тайменова.

Он ещё во время первой спонтанной тренировки раздарил им все «золотые» морские украшения, но прозвище, данное детьми в тот день, отменить не удалось. Все рапануйцы упорно называют его сеньором Дорадо. Сам Тайменев вначале чувствовал неудобство при таком обращении, затем привык и стал считать его ещё одним своим именем, не хуже тех, что использовал Франсуа Марэн: Василич, Философ, Расейский...

Невообразимо пёстро разодетые при посредстве торговых коммивояжёров «Тангароа» дети встретили восторженным рёвом. Встречи с сеньором Дорадо были им дороже сладкого утреннего сна. Обменявшись рукопожатием с каждым, Тайменев несколько минут посвятил изложению нравственных устоев у-шу, заставил провести общефизическую разминку, провёл короткий бой с невидимым противником, медленно показал два приёма из низкой стойки в стиле дракона и, сделав несколько корректирующих замечаний, посмотрел, как они работают. Смотреть было на что, у ребят талант во владении телом. Грация, точность, кошачья мягкость придавали исполнению, далёкому от совершенства, черты артистической завершенности. Насладившись зрелищем, ощутив себя в какой-то мере творцом, Николай попрощался и отправился назад в палатку.

Оглядываясь на увлечшихся минимум на час воспитанников, думал о том, что без разрешения администрации острова на посещение Оронго не обойтись. Если пойти на риск, после вероятного задержания с мечтой о фотографировании придётся распрощаться. А если он при этом нарушит какое-нибудь правило или табу, могут появиться неприятности и посерьёзнее. С одной стороны, – строгое предупреждение сеньора Геренте, с другой, – разрешение на свободу от рядовых аборигенов. Что тут думать, власть везде власть.

Надо признать, остров становился не совсем курортным. Дело, конечно, не в острове, а в нём самом. В способности отравлять себе существование лишними заботами. Но дело решённое, будем готовиться нанести визит местному руководству. Хорошо хоть недалеко; если бы резиденция губернатора располагалась, скажем, в Ханга-Роа, он мог просто не попасть на приём.

Губернатор Пупа Вселенной

Островом Те-Пито-о-те-Хенуа, – Пупом человеческой Вселенной, – руководил назначаемый правительством губернатор. Правительство, – далеко за морем, с ним нет ни радио, ни телефонной связи. Затраты на организацию постоянного сообщения с островом правительству не нужны. Губернатор живёт на острове и практически бесконтролен в применении данных ему полномочий.

На взгляд Тайменева, на изолированном от большого мира клочке суши для поддержания законности и порядка среди двух тысяч жителей достаточно сержанта полиции. В единственном числе. Тогда Николай попросил бы Франсуа о небольшой услуге, взял большую бутылку виски, усадил сержанта и француза за стол напротив друг друга, и через часок Марэн получил бы разрешение на любые действия в пределах острова. А у губернатора, конечно же, имеется канцелярия, где сидят чиновники, ждущие случая проявить бюрократическое рвение и преданность начальству.

Франсуа как-то говорил, что на Рапа-Нуи царят первобытно-коммунистические отношения: всё тут у них общее, от птицы до царь-девицы, а без даров ничего не решается. Что ж, не привыкать, родное русское общество без мзды тоже жить не может, все его движущиеся части без неё замирают и начинают ржаветь.

Итак, сувенир, презент губернатору! Неизвестно, что в таких случаях дарят губернаторам, никогда он не занимался подобным делом. Опыт отсутствует полностью. Пробежал взглядом по фигуркам, разбросанным на шахматном столике. Нет, это не годится, можно попасть впросак. Надо что-то своё.

Вытащив из-под кровати чемодан и перевернув содержимое на одеяло, Тайменев с приятным удивлением обнаружил среди прочих вещей предмет ненужный и непонятно как оказавшийся тут. Маленькое изваяние, чем-то похожее на те, что принёс ночной гость. Николай, как ни пытался, никак не мог припомнить, чем руководствовался, когда брал его с собой в путешествие. И вот, среди необходимых туалетных и фотопринадлежностей абсолютно бесполезная вещь становится самой нужной. Как не отметить факт: судьбы вещей сходны с судьбами людей...

Тайменев покрутил скульптурку в руках. Сделано из камня необычного цвета. Под основанием полустёршаяся гравировка на английском: «Дракон. Остров Пасхи». Каково!? Губернатор наверняка расхохочется, увидев, как в далёкой стране представляют себе фауну острова. Правда, выглядит дракон оригинально, подобной вещицы Тайменев здесь не встречал, несмотря на многообразие поделок в местных лавках. Мифический зверь из красноватого зернистого гранита, основание из белого, потемневшего от времени мрамора. Гранит на острове Пасхи не водится, тут разновидности вулканического базальта. Да и дракон для рапануйцев экзотичен не менее, чем для него, жителя Европы. Раньше Тайменев как-то не обращал особого внимания на дракона, даже не подозревал о наличии надписи на мраморе; тот стоял себе на кухонной полочке и месяцами пылился, пока чья-нибудь случайная рука не заботилась о нём. Хозяин к нему прикасался, только чтобы переставить, когда проводил генеральную чистку квартиры.

Николай моментально оценил оригинальную красоту крылатого зверя. Голова то ли змеиная, то ли крокодилия, с широко разведёнными большими глазами. Скульптор лёгкими касаниями резца придал голове умное, чуть хитроватое выражение. Короткая шея переходит в бронированное крупной чешуёй тело, опирающееся на четыре мощные лапы, оснащённые когтями. Длинный мелкочешуйчатый хвост загнут, притянут к телу мощной пружиной.

Крылья приподняты, будто дракон готовится к взлёту или прыжку. А может, это и не дракон. Кто их видел, драконов? Разве что древние китайцы. Фигурка определённо ему нравилась,

что-то в ней было такое, вызывающее симпатию. Если губернатор чуть-чуть эстет и понимает толк в подобных вещах, будет доволен.

История гранитного дракончика – одно из немногих белых пятен в жизни Николая Васильевича. Память позволяла восстановить любой прожитый день с точностью до минуты, до особенностей погоды или меню на завтрак. Но вот как и когда появилась у него красная статуэтка, – вспомнить не смог, как ни пытался.

Прежде чем вложить сувенир в целлофановый пакетик, покачал дракончика на ладони, прощаясь с ним. Небольшой, весь в руке уместился, а тяжёл, будто не из камня вырезан, а изваян из слитка сверхтяжёлых сплавов.

Самое трудное, – вручение. Никогда ещё не приходилось делать подарки с целью добиться определённой цели. Знал, что везде так делается. Благодаря своей архаической нравственности разошёлся дорогами с так называемым успехом с большой буквы. И что же теперь, отступить от жизненных принципов? А почему нет? Успех-то успехом, но на то и компромиссы, дабы увереннее балансировать вокруг тех же самых принципов. Ведь они, принципы, не ради самих себя существуют. Они для людей, а не люди для них. Он, Тайменев, согласен, что жизнь в каком-то смысле действительно борьба за существование, цепь непрерывных попыток добиваться всё новых благ, привилегий и преимуществ. В каком-то смысле это так... Вопрос в том, как добиваться.

Решено! Но как исполнить? Непростое это дело, дарить дары для получения заграничной выгоды и, может быть, для обхода правил, обязательных для всех туристов-чужестранцев. Хоть бы плохонький сценарий придумать, тогда и на экспромт можно надеяться. В голове вертелась одна фраза: «Милостивый государь, извольте...» Нет, так никуда не годится. Губернатор всё-таки не сержант дорожно-патрульной службы, общение с ним много проще.

Всю дорогу до здания администрации Тайменев пытался собрать воедино знания о придворном этикете, о дипломатическом протоколе. Бестрепетно прошёл мимо самого большого на острове здания с космологическим названием «Тангата Те Гое», – «Человек Млечного Пути». Круглые двойные каменные стены, сложенные в соответствии с канонами давней рапануйской архитектуры, совершенно лишённые окон, прятали в себе, – подобно тому, как Галактика вмещает самые разные звёзды от карликов до гигантов, – разнообразнейшие салоны, объединённые единым предназначением: культурное времяпрепровождение в соответствии с современной западной модой. Лишённые пока знакомства с физиологическими наркотиками, аборигены Пупа Земли могли наслаждаться самым изысканным ядом, самым незаметным и потому сильнейшим, которому не подобрано названия. Дискозал, видео-, кино-, музыкальный салоны... Тангата Те Гое, – Человек Галактики, – центр эстетизированного отвлечения от настоящего, раскрепощения психики с помощью избавленной от рамок рассудка фантазии, освобождённой эротике и прочего тому подобного.

Возжелавший изысканного хлеба плюс изошрённых зрелищ, обитатель Пупа Земли становился жителем Млечного Пути, полнострастным гражданином Вселенной. Его с каждым последующим сеансом всё более интересовали проблемы «вселенские», а не ограниченно-местные, сдерживающие его ассимиляцию в мировой рынок, покупающий и продающий всё!

У Тайменева где-то в генах существует иммунитет против всепобеждающих бактерий вселенского культцентра: он никогда не мог допить до дна стакан виски, дослушать поп-песенку или досмотреть эротическую программу. Потому он, – похоже, один из немногих живущих сегодня на острове, – никогда не пытался открыть двери «Тангата Те Гое». Пройдя мимо зовущих обнажённостью инстинктов рекламных щитов, благополучно вырвался из поля притяжения «Человека Галактики», миновал стоянку автобусов, обслуживающих туристов и служащих «Тангароа».

Удивительно, как много поместилось на маленьком клочке земли. И как много поместится ещё из восстановленного наследия предков и достижений третьего тысячелетия христианской мысли. Какая сила может устоять против всепоглощающего девятого вала культуры, твёрдо угнездившейся на суше и принявшей осваивать забытые уголки мирового океана?

За десятком автобусов «Тойота» и пунктом техобслуживания начинался островной «Бродвей», улица спокойных официальных дней и бурных разгульных ночей. По обе стороны безымянного Бродвея возведены небольшие коттеджи, образующие берега, установленные людской реке заокеанскими деловыми людьми. Здания, сложенные из расколотого и распиленного тела вулкана, скреплённого белым цементом, причудливыми швами подчёркивают прочность установленной связи ушедшего и приходящего, обнажённого язычества и прикрытой стыдливой ширмой псевдоверы религии всеразрешенности.

Николай Васильевич вдруг подумал, что самозвано занял кресло глобального судьи. Видимо, и тут влияние острова, но пусть мысли текут как текут.

Администрация, скорее всего, на содержании «Тангароа». Во всяком случае, бизнес компании неподвластен губернатору, контракты заключаются на высотах высшего порядка. А для островитян небо ближе, чем дворцы Сантьяго. Тайменев знал, что губернатор ежедневно дважды пересекает остров, поскольку не пожелал оставить место постоянного жительства, фамильный дом в селении Ханга-Роа. Неплохо бы пристроиться к нему в джип попутчиком: до Рано-Као не менее десяти километров, а дорога в Ханга-Роа проходит по северным склонам вулкана. Но это мечты.

В одинаковых двухэтажных домиках справа и слева разместили увеселительные заведения и различные конторы. Пугающая откровенность рекламных шедевров ночных клубов чередуются со строгими вывесками, среди которых внимание Тайменева привлекли штаб-квартира «Тангароа», медицинский центр, представительство ЮНЕСКО... Размах, достойный столицы приличного государства. Кто же планирует на острове туристическую Мекку? И возможно ли такое? Что это за голова, не пытающаяся скрыть или сдержать мощь своих мускулов? Какие мотивы приводят их в движение? Впрочем, обе стороны монеты принадлежат кесарю.

Рапануйский Бродвей кончился. Ни днём, ни ночью людской поток не докатывается до стен особняка, превосходящего размерами все другие строения, кроме «Человека Галактики». Слабый ветерок лениво колышет государственный флаг, укреплённый на стальном флагштоке.

Резиденция губернатора. Мостовая сменилась свежезеленой лужайкой, пересечённой редкой паутиной песчаных дорожек. Самая широкая протянулась прямо к парадному подъезду, – мраморному крыльцу из трёх ступенек, увенчанному черепичным навесом на двух столбах. Под навесом высокая деревянная дверь.

Даже воздух изменился: и шумы, и запахи, – всё стало иным. Как прохладный душ после парной, – так он оценил переход с улицы на губернаторскую территорию.

Так и должно быть! Начальство должно отделяться от прочего люда хоть какой-то, но преградой. Стеклопанная перегородка или железный забор с собаками и охраной, – неважно. Разделительная полоса обязана быть и каждый, кто переступает черту, её видит, слышит, чувствует. Если нет разделительной полосы, пропадает то неуловимое отношение людей к власти, которое и делает эту самую власть реальной, а не бутафорской.

Судя по всему, в особняке обитает реальная власть. Хорошо это для него или плохо? Да и в какой степени губернатор независим? И от кого? Ответы получить негде, а в Оронго ох как надо. Так надо, что не выразить словом. Когда с ним такое было, что желание прямо взрывается внутри? И не припомнить... Редкий момент, а потому – долой собственное сопротивление!

Тайменев решительно открыл дверь. Прозвонил колокольчик и он оказался в просторной светлой комнате. Противоположная от входной двери стена сплошь состоит из единого куска

стекла или прозрачного пластика, и через неё открывается красочный вид на сад, уходящий в дальнюю перспективу. Странно, что с улицы его совершенно не заметно, будто сад живёт в ином измерении.

Знакомые и незнакомые деревья, пальмы, подстриженные кусты; между ними рядами и шеренгами огородные культуры; всюду плоды и цветы; а в центре всего благолепия, – большой фонтан. Упругая струя рвётся в синь неба и распадается на десятиметровой высоте капельным зонтом. Вот это да!

Ошеломлённый взор Тайменова коснулся поочерёдно гроздьев приникших к стволам зелёных плодов папайи, устремлённых ввысь стройных мачт финиковых пальм, кустов низкорослой, усыпанной чёрными ягодами вишни, ухоженных миниплантаций тыквы, ананаса, чилийского перца и табака ава-ава. Готовился расцвести далёкий родственник российской липы желтоцветный гибискус...

Взгляд Николая вернулся в комнату. Да комнаты, по сути, нет – только угрюмое продолжение сада или его преддверие, тёмный и неуютный тамбур. Тяжёлый стол невиданных размеров длиной во всю прозрачную стену отделяет цветущую сказку от вошедшего в канцелярию. Заваленный стопками бумаги, книгами, уставленный письменными приборами, стол отрезвляет и приземляет воспарившего посетителя на коричнево-охристый узор линолеума. И вот, когда приведённый в надлежащий порядок проситель начинает ориентироваться во внутренней обстановке помещения, его внимание захватывает человек, сидящий посреди стола, с лишённым опознавательных признаков затемнённым лицом. Тогда-то запоздалость восприятия главного в данном объёме пространства порождает у вошедшего чувство досады и безотчётной вины.

Тайменов ощутил себя лишним, по ошибке забредшим сюда, в царство неких чрезвычайных и недоступных обычному пониманию интересов и дел. Стоя, он молча изучал интерьер комнаты и её хозяина. Кроме единственного занятого кресла, в помещении не наблюдалось никакой мебели для сидения. Судя по прохладному ветерку над линолеумом, где-то прячется небольшой кондиционер. Начальствующий субъект не поднимал головы, склонённой над важными бумагами, словно и не слышал предупредительного звонка дверного колокольчика. Николаю бросилась в глаза аккуратная ниточка пробора в напояженных чёрных волосах. Европейского покроя костюм, сорочка и галстук по последней моде: все детали соответствуют современным взглядам на одежду делового человека. Голубая фактура одежды выглядит в полутени тёмно-синей.

Опять цвет, ставший для Тайменова признаком злого, неприятного, нехорошего. Нет, понял он, этот синий и недобрый господин ничего не сделает для него. Разве что Николай Васильевич открыто-раболепно признаёт своё ничтожество перед ним, распорядителем жизненных благ.

Если «Синий», – губернатор острова, можно немедленно поворачивать кругом, ничего не теряя, ибо с людьми такого типа у Тайменова контакт никогда не получался.

Он убеждён, что стремление человека к изысканности, к полному соответствию моде обычно скрывает желание компенсировать тайные внутренние комплексы достижением внешнего формального превосходства над окружающими людьми, таких комплексов не имеющими. Тайменов собрался было, не говоря ни слова, покинуть резиденцию, как синий человек с пробором вскочил и застыл в позе полупоклона. Секундой спустя из динамика переговорного устройства на столе раздался спокойный неторопливый голос. Выслушав, чиновник выбежал из-за стола, – для чего ему пришлось, сохраняя согбенное положение преодолеть добрый десяток метров, – и предупредительно распахнул дверь в боковой стене, сделав приглашающий жест рукой.

Николай мысленно выругал себя: надо же так опростоволоситься, перепутал приёмную с кабинетом, а слугу принял за хозяина. Как можно забыть, что раб во все времена отличается

от императора и это отличие никак не скрыть, ни одеждой, ни шлифовкой манер, ни общественным положением. Чиновник, – всегда раб и имеет, вследствие того, двойную линию поведения. Скрытое презрение с нескрываемым превосходством по отношению к просителю-посетителю и почтение перед хозяином.

Недовольный собою, Тайменев переступил порог кабинета губернатора, ощутив приторно-маслянистый запах, источаемый секретарём. Запах предупреждал: будь осторожен! И Николай неожиданно заключил: раб-секретарь похож на Эмилию, раскрепощённую даму с другого полюса мира. Что-то объединяет их в один вид среди многообразия живых существ. Над этим стоит призадуматься. Алого в одежаниях чиновника нет, но красное от рождения лицо компенсирует недостаток второго любимого Эмилией цвета, внушающего Николаю страх.

Вае Ара... Так звали холёного лощёного секретаря, как успел понять Тайменев из короткого обращения губернатора по внутренней переговорной сети. Вае Ара и Эмилия: как разнятся имена и как близки их носители! Почему они рожают у него одно отношение, воспринимаются как один человек? Цвета в одежде? Запахи? Чепуха! Ведь Эмилия нравится большинству из знакомых им обоим людей. Кроме, пожалуй, Франсуа. Он тут солидарен с Василичем. И Вае Ара по-мужски довольно привлекателен, если освободиться от предвзятости. Разве плохо, что он следит за своей внешностью? Плохо, что этого недостаёт ему, Тайменеву. А поведение, вкусы, – что ж, у каждого свои привычки... Разве что, как говаривала в сходных случаях одна весьма разумная девица на выданье на далёкой родине, не хватает этому Вае Ара самой малости, имеющей название мужского шарма. Если, утверждает девица, этой малости нету, то будь ты хоть Гераклом, можешь не считать себя мужчиной. Весьма разумно мыслит девица на выданье. И потому Тайменев, несмотря на затяжной холостяцкий пробег, не представляет её в иной, более близкой роли.

Абориген Вае Ара, итальянская Эмилия, воронежская девица на выданье ушли в долговременную память. А текущее сознание нацелилось на человека, стоящего в центре кабинета, на равном расстоянии от небольшого рабочего стола и Тайменева.

Тайменев увидел прежде всего открытые навстречу глаза. Не просто открытые, а распахнутые, это слово более подходило. Глаза, ничего не скрывающие, не искажающие. От столкновения взглядов, уверен Николай Васильевич, всё и началось. Пусть небольшой, был и период привыкания. Остались и будут всегда особенности их взаимоотношений, определяемые неустрашимыми различиями в характере, статусе, уровнях образования. Но искренность пришла сразу и поселилась насовсем. Для века двадцать первого редкое удовольствие!

Итак, глаза! Остальные детали образа, всё, чем описывается человек, обнаружили после знакомства с глубинной синею глаз, и в свете их сияния виделись тоже необыкновенными и исключительными, располагающими, внушающими доверие.

Лицо губернатора острова Пасхи не отличалось тщательной отделкой мелких черт, но привлекало получившейся в результате их соединения крепкой мужской красотой. ... Чуть удлинённый, с приподнятыми краями разрез глаз; прямой с широкими крыльями нос; небольшие чётко выписанные губы и такой же лёгкий интеллектуальный подбородок... Ничего значительного в отдельности. Но в сумме получилось гордое лицо, замечательная голова, прямо сидящая на сильной шее. Тайменев мог бы считать себя похожим на него, если б не зелёные глаза в тяжёлых складках век. Глаза усталого льва, – с долей шутки говорили близкие. Да, ещё волосы... У Тайменева каштановые волны, у хозяина Рапа-Нуи прямые чёрные.

Лёгкая в крупную клетку рубашка с расстёгнутым воротом не скрывала атлетических скелетных мышц, крепким рельефом бугрящихся при движении. Опытный взгляд Тайменева сразу определил: ни гантели, ни другие искусственные средства и приёмы мускульной закалки в данном случае ни при чём. Всё богатство получено сразу и оптом, от рождения. Ему не понадобилось, как Тайменеву, долгие годы мучить себя тренировками, чтобы стать таким.

Со стороны посетитель и хозяин кабинета выглядели сыновьями одного отца от разных матерей. Но они сами почувствовали, что сходство далеко не абсолютно. Цвет кожи, осанка и нечто ещё, чему Тайменев не находил названия, различали их между собой больше, чем с другими людьми. А нарочитая небрежность в одежде губернатора говорила: вовсе его не интересуют ни отличия, ни признаки сходства с кем бы то ни было, так как он знает то, что делает все эти отличия-признаки несущественными и даже несуществующими.

Если бы Николай Васильевич Тайменев встретился вот так вдруг с Петром Великим или, скажем, с Генрихом Четвёртым, поразился бы меньше. Всё-таки признанные народами и историей личности. Ничего не надо искать, определять, всё ясно и знакомо, величественно заранее. Но встретить подобную им индивидуальность на тихоокеанском острове? Впрочем, к таким людям едва ли подходит эпитет «подобен»...

Не потому ли Тайменова охватила робость и пришло чувство, приблизительно выражаемое как почтительность? Явление для него новое, и он удивился, а удивившись, постарался улыбкой скрыть замешательство.

«Царственное величие», – нашёл-таки он для себя слова-ключи, позволяющие объяснить и впечатление от встречи, и реакцию на впечатление.

Несомненно, гены первичны! Губернатор Большого Острова имеет сложное унаследованное имя Ко-Ара-а-Те-Хету и олицетворяет правителя по крови, рождённого повелевать. Иного он не мыслил с рождения. Истинного вождя, императора, фараона узнают и в хламиде нищего. Впитанные через пуповину сознание и осознание собственной исключительности делают волю такого человека несгибаемой, мужество неустранимым, а воспитание добавляет внешнюю мягкость и привлекательность.

Придёт время и наука обнаружит ген или сочетание генов, ответственных за царское происхождение. Что тогда делать с генами, ответственными за рождение людей-пресмыкающихся? Генами, также пока не открытыми...

Не сходя с места, губернатор спокойно отдал распоряжение:

– Вае Ара..., – секретарь уже стоял у двери, склонив голову и опустив глаза, – Мы с сеньором заняты важной беседой. Сколько бы она ни продлилась...

Пауза завершила приказание, неоткрытые наукой гены Вае Ара согнули его спину ещё круче и прошелестели бледными губами:

– Я всё понял, мой господин!

Нет, губернатор Ко-Ара-а-Те-Хету не отдавал распоряжений. Отнюдь! Отдаёт и получает распоряжения чиновник. Такой, например, как Вае Ара.

Ко-Ара-а-Те-Хету повелевал. Распоряжение и повеление иногда рассматривают как синонимы. Но эти понятия вовсе не однозначны. И в данном случае их смысл различался до прямой противоположности.

Властелин, владыка, властитель, не испытывающий ни малейших сомнений в своём личном праве покорять других своей воле и в обязанности других покоряться...

С любопытством наблюдая за реакцией Вае Ара, Тайменев поймал себя на желании последовать ему, стать послушным, заслужить одобрение и похвалу. Наверное, вот такое ослабляющее ноги желание и называют стремлением повергнуться к стопам. Не оно ли пронизывает благовоспитанную собачку, давно не видевшую своего хозяина, господина её чувств, эмоций, аппетита и самой жизни? Да, но между рабом-человеком и рабом-собакой существенная разница, чему множество примеров в земной истории. Если собака предана своему хозяину безусловно и безоговорочно, и на её преданность можно рассчитывать в любых условиях, у человека преданность сочетается с осознаваемым или пока не проявленным влечением самому стать властителем и иметь рабов. Хорошо бы и бывшего господина включить в их число! Несмотря на цвет крови, несмотря на гены, которые всё равно свергнут с чужого кресла. Сверг-

нут, ибо раб от рождения может только подражать, а не творить. Да, творец не превратится в раба, раб не станет творцом.

Обдумывая роль крови в перипетиях человеческой судьбы, зависимость жизненных успехов от состава нуклеотидов, Тайменев забыл произнести слова приветствия в адрес губернатора и тем не проявил готовность признать его высшую сущность. Но тому, похоже, такого признания не требовалось. Губернатор лёгким плавным шагом приблизился к столику у стены справа и, улыбнувшись свободно и дружелюбно, величественным жестом предложил любое из двух кресел гостю. Пока Николай шёл к креслу, хозяин кабинета одобрительным взглядом окинул его фигуру снизу вверх, от старых хоженных кроссовок до козырька знаменитой кепи.

Постаравшись отделаться от наплыва отвлекающих мыслей, Тайменев осмотрелся. Интерьер кабинета вполне соответствует внешнему облику его владельца. Стыки стен плавно закруглены, никаких углов в очертаниях мебели, всюду обтекаемые формы. Созвучно линиям, организующим пространство комнаты, в воздухе парят две волны. Первая, звуковая, несет оригинально запутанный ритм, сопровождаемый низким женским голосом на непонятном языке, мягким и приглушённым. Мелодия и голос гасят неуверенность, успокаивают. Вторая волна несёт запахи: свежесть утреннего леса и терпкость разгорячённых солнцем цветов. Едва слышимым дуновением они намекают на близость губернаторского сада.

Стена слева, продолжение суперокна приёмной, закрыта светло-коричневыми шторами, собранными в крупные складки. Солнечный свет, мягкий, ласковый, тихий, падает на расположенную над рабочим столом рельефную раскрашенную карту острова, придавая ей естественность. Карта напомнила Тайменеву снимок острова с воздуха, оставленный Те-Каки-Хива.

Полутона, полувзвук, полуощущения... Лёгкое касание мягкого отфильтрованного света, недосказанность и недозавершенность... Мечта холостяка, верх домашнего уюта и комфорта. Примерно такой результат, по словам Франсуа, достигается приёмом определённой дозы спиртного в любой, самой тривиальной обстановке.

Захрустела где-то алюминиевая фольга, – Тайменеву представилась плитка шоколада, развёртываемая руками Вае Ара за стеной, – и этот еле слышимый звук вплёлся приятной ноткой в голос губернатора и понёс на себе слова... Нет, не шоколад тому виной, такова особенность губернаторского голоса.

– Можете не называть себя, я знаю ваше имя. Отдыхайте, расслабляйтесь как можете. Привыкнуть к нашему дизайну жизни непросто.

Он представил себя, отметив, что в переводе полное значение имени передать трудно. Хрустящий баритон звучал располагающе.

– ... Попробуйте ни о чём не думать специально. Наши желания – это пустое...

«Интересное начало. Как на приёме у психотерапевта, – думал Николай, любясь игрой света на хрустале рюмок и бокалов, расставленных на столике между разноцветных бутылок и маленьких тарелочек, – Вот и попал на экзотичный остров, как хотел. А губернатор, похоже, колдун. Ведь он на самом деле осведомлен обо мне. И знает, зачем я пришёл. Мне можно молчать, всё равно получится диалог. Нет, не зря они тут так активно занялись реставрацией древности...»

– Пусть непривычное вас не настораживает. Вы можете довериться мне...

«Непонятно... Зачем ему магия обворожения? Не повседневно же он так? – продолжал размышления Тайменев, – Губернатор назначается столицей. Как они его нашли? Такие люди рождаются достаточно редко. И если они нормальные...»

Тут Николай устыдился мыслей и покраснел. Ведь если собеседник владеет телепатией, совсем неудобно получается.

Да, как невероятно далеки отсюда пустая квартира, неждущие друзья-знакомые... Росло ощущение, что попал на другую планету и вернуться уже нельзя, стал персонажем фантасти-

ческого фильма, из фильма не возвращаются. Пусть так, всё равно пора входить в разговор и начинать попытки контакта с иноземным существом.

– Ваш этикет предусматривает некоторые условности, правила, – нерешительно начал Николай Васильевич, – Я узнал о них немного, и не хотелось бы показаться дерзким или гордым иностранцем, отрицающим то, чего он не понимает. Или невеждой...

– Вот как? И какие наши правила вы успели узнать в первую очередь? – насмешливо прищурил синие глаза губернатор, – Но да будет всё так, как известно вам. Прошу вас, будьте и сценаристом, и режиссёром, и исполнителем нашей встречи.

Незнакомая музыка и экзотичные запахи помогли Тайменеву обрести утерянную решительность. Если б не жгучее желание посетить Оронго, усиленное фотографиями Те Каки Хива, не вытащил бы из сумки пакет со статуэткой. И, поняв слова хозяина кабинета как разрешение действовать, без колебаний вынул из сумки прозрачный пакет с каменным драконом и без комментариев поставил статуэтку на столик рядом с коробкой сигар. В тот же момент мелькнула мысль, что такая резкая разница между приёмной и кабинетом – условна. Мелькнула, чтобы пропасть затем навсегда.

Ибо далее случилось то, чего он не мог предположить, строя ранее в уме возможные варианты встречи.

Дракон настороженно замер на зеленовато-прозрачной плоскости; розовато-шоколадный свет от невидимого сада окутал его и вызвал сияние, подобное ореолу на фотоснимке Харепуре в Оронго. Неожиданное появление ауры вокруг давно знакомого зверя, приехавшего из воронежской кухни, заставило вздрогнуть. Но ещё более поразило поведение губернатора: тот очень осторожно взял статуэтку в руки и с благоговением во взгляде погладил кончиками пальцев шипастый острый гребень спины.

– Вы можете сообщить, как он попал к вам? – голос выдал волнение губернатора.

Стало понятно, что дракончик имеет для того какое-то своё, непонятное Николаю значение. Удивительная прихоть игры случая?

– Не знаю. Точнее, не могу вспомнить, – Тайменев виновато улыбнулся и коротко пояснил, какое отношение имеет к нему статуэтка.

– И вам не жалко расставаться с ней в угоду местным традициям? – губернатор вернул себе спокойствие, продолжая рассматривать статуэтку, замершую на его тёмной ладони. При упоминании о «местных традициях» он иронически усмехнулся, – Могу предупредить: вы и не представляете истинной цены существа, названного вами Драконом. Правильно ли я выговорил?

Ко-Ара-а-Те-Хету вопросительно взглянул Тайменев и, не ожидая ответа, продолжил:

– Таких вещей, точных близнецов вашей, без мраморного основания и без надписи, существует в мире несколько. Их немного... Напрасно вы думали, что она, – подделка под какой-то оригинал или плод фантазии западного художника. Дракон действительно с моего острова. Он из Харепуре Оронго. Сохранилось предание... Оно повествует, что такие статуэтки обладают большой магической силой и не могут долго находиться в одном месте. Потому и путешествуют по миру. А их владельцам суждена непростая судьба. Я вас не напугал?

«Харепуре» на рапануйском, – святилище, вспомнил Тайменев. Святилище в Оронго. Место, куда его так неудержимо тянет! И кто тянет? Или что? Магическая сила миниатюрного дракона, столько лет пылившегося в его квартире? Он деланно улыбнулся. Веселиться особенно не хотелось, и становиться заново обладателем рокового сокровища тоже не было сильного желания.

– Надеюсь, моя судьба не будет похожа на приключения владельцев известных ценных алмазов? – задавая вопрос, Тайменев не отрывал глаз от светящегося красного камня.

– Нет. Дело обстоит не совсем так. За статуэтку никто нигде не даст больше, чем за похожую из наших лавок. Её цена, – не цена золота или крови. Тут совсем другое. Она намного дороже. И вы успеете её оценить, поверьте мне...

Становилось всё интереснее. Тайменев представил себя в роли Синдбада-морехода накануне путешествия, изобилующего смертельными опасностями. Вот это да! Вот тебе и линия судьбы! Завтрашнее делается где-то во вчера, забытом и ставшем чужим. Грядущее тянет к себе день сегодняшний, отнимая безобидность и невесомость у любой мечты, у всякой фантазии. Разве такое он мог бы придумать сам? По всему выходит, если играть всерьёз, искать краугольные камни здания жизни надо в детстве. Именно там, в детстве, они и заложены. Мы формулируем взрослые решения, не понимая, что на самом-то деле они приняты нами давно. И бессознательно к тому же. Или не нами... Просто подошло время. Скрытая магия жизненных коллизий... Путаное переплетение незначительных поступков, необдуманных слов... Они складываются в пёстрый ковёр неизбежности. Кто в силах понять меняющийся рисунок ковра? В одном зёрнышке живёт мировой урожай, оно слышит и видит безжалостно свистящие косы и серпы.

Жатва predetermined.

«Что-то я начал размышлять по восточным образцам, – остановил себя Николай, вынырнув из тянущих в омут воспоминаний дум в действительность, – Что-то я чересчур расслабился».

Губернатор смотрел понимающе и сочувственно.

– Мой остров действует на всех без исключения. На всех по-разному. Но вам не надо бояться. То, что происходит вокруг вас и произойдёт ещё, от вас уже мало зависит. Я имею в виду неизбежность процессов. Теперь вас поведёт ваш добрый аку-аку. Доверьтесь ему.

Опять аку-аку! Как сговорились: от рядового туземца до губернатора, – все твердят ему об одном. Аку-аку, – вот и он уже не где-то там, а рядом, его личный.

И как неоднозначен величественный Ко-Ара-а-Те-Хету! Тайменев отметил ещё одну, симпатичную ему черту мирооценки губернатора: местоимение «мой» звучит у него как-то странно, – оно лишается самой своей сути, отношения собственности. Он говорит «мой», а Николаю ясно слышится: не остров принадлежит губернатору, а губернатор Ко-Ара-а-Те-Хету принадлежит острову весь без остатка.

Всё у них тут не так. В большом мире местоимение «мой» во всех смыслах употребляется людьми значительно чаще других слов. Человеку хочется быть хозяином, собственником. Вещей, других людей, пространства, времени, самой жизни... Власть над миром: вот что слышится в коротком слове «мой». Властвовать, несмотря на ум, разум, образованность, воспитанность, гены. Если рождённый рабом занимает трон короля, слово «мой» поглощает весь мир этого человека. Гордыня тут же возносит на заоблачные высоты, чтобы потом низринуть на острые камни породившей земли. Спартак, Пугачёв... Несть им числа.

Рождённый повелевать и властвовать своим маленьким миром губернатор Ко-Ара-а-Те-Хету не считал себя собственником, он считал себя исполнителем высшей воли, давшей ему власть и способность использовать власть.

Тайменев вспомнил заведующего кафедрой университета. Как тот произносит короткое слово «мой»! С особым чувством, с нескрываемым удовольствием, как можно чаще, и по всякому поводу. «Мой заместитель, моя кафедра, моё мнение»... Мой, моё, мои... Его бы на царство, даже самое маленькое, – так задохнулся бы в день инаугурации от избытка самоуважения и ощущения собственной исключительности...

– Мой остров проявляет и высвечивает. Выводит на свет невидимое, спрятанное, делает его отчётливо распознаваемым. Симпатии и антипатии, любовь и ненависть, жадность и бескорыстие, привязанность и равнодушие... Скрываемое от самого себя у нас может стать власти-

телем человека. Ничто не уходит бесследно. Ваш дракон завершил первый круг. Скоро придёт ясность, к вам в первую очередь. Скоро...

«Да уж! Прошла почти половина отпуска, а дракон успел завершить свой „первый круг“. Сколько их у него впереди, и что они принесут бывшему владельцу статуэтки? Как можно быть готовым неизвестно к чему? Пока ясно одно: губернатор мне доверяет, а почему, – совсем неясно. Не статуэтка же, в самом деле, тому виной? Чего-то они ждут от меня. Сами не знают чего, но ждут. Мистика откровенная сплошь и рядом. Невольно примешь предложение Франсуа и ударишься в запой. Надо бы повнимательнее отнестись к словам Хету, едва ли кто другой сможет открыть больше».

– Мы здесь живём как в фокусе мира, – Хету, (Звезда), как стал звать губернатора про себя для краткости Тайменев, чуть задумался, чистые до голубизны белки его глаз влажно заблестели, – А может быть, и на самом деле...

Остановившись на полуфразе, Хету предложил гостю сигару. Николай отказался и рискнул задать «умный» вопрос:

– Вы хотите сказать, что на Рапа-Нуи ярче видны, теснее смыкаются полярности мира?

– Да. Вы поняли правильно. На моём острове издавна столкнулись Восток и Запад, Восход и Закат, Свет и Тьма. Мне известно, вы хорошо знакомы с нашей историей. Рад, что вы уже перестали удивляться: ваша жизнь для нас не тайна. Что же касается истории, позвольте напомнить несколько моментов из неё, они послужат нам отправными точками.

Хету взял сигару, неторопливо раскурил, неглубоко затянулся, окутался ароматным облачком. Сладкий дух тлеющих листьев разбудил в Тайменеве смутные ассоциации, натянулась цепь, ведущая на самое дно колодца памяти. Теперь надо ждать, пока ведро с водой озарения не поднимется из глубины.

– О древнейшем, в учёном мире называемом Первым, периоде истории Рапа-Нуи говорить хоть чуть-чуть определённо просто невозможно. Период самый таинственный, от него и загадок-то мало осталось. Сплошь белое пятно. Аху, оставшиеся с тех времён, неизвестно для чего строились. Какие-то из рисунков на скалах, может быть, оттуда. Но какие? Есть статуя в Британском музее. Вот и почти всё! А смысл той жизни, – как песок, уходит сквозь пальцы. Я не могу представить себе лица тех людей. Какие они были? Кто они? Как себя называли? Как жили и куда ушли? Догадки, – не предмет для серьёзного разговора.

Тайменев хотел было напомнить о нескольких статуях, оставшихся от древнейших времён. Эти изваяния не имеют ничего общего с исполинами, сделавшими остров Пасхи знаменитым. Но неудобно, – губернатору ли не знать всего, что знает чужестранец, прочитавший несколько книжек и посмотревший несколько видеофильмов, сделанных и написанных разными людьми? В том числе теми, кто на острове ни разу не побывал.

– Белое время! Остались мифы, но нет к ним ключа. Генетически мы, рапануйцы двадцать первого века, с жившими на острове в Белое время не связаны. Мы не их потомки, они не наши предки. И всё равно, я уверен: и сегодняшний день, и наша встреча, – они предусмотрены ещё тогда, неизвестными нам людьми. Связь с ними существует, она не потерялась, а наоборот, усиливается. А это значит, – между нами есть родство, более важное и долговечное, чем физическое. Возможно, откроются двери в неведомое, и мы узнаем побольше...

Удивительно говорит Хету. Тайменев растерялся в догадках: то ли губернатор мистик, то ли колдун, то ли прирождённый философ.

– Многое известно о Втором периоде нашей истории. Начинается он именем короля-первооткрывателя Хоту-Матуа. Пусть зовётся первооткрывателем, первопоселенцем. Нам уже ясно – первых нет. Живём среди условных приоритетов... Король Хоту-Матуа прибыл на остров с Востока. Изгнанный соотечественниками из Тиуанако Виракоча стал вождём «Хануеепе» – «Длинноухих» на Рапа-Нуи.

Вскоре после прибытия на остров длинноухие начинают гигантское и, с точки зрения людей нашего века совершенно бесполезное для жизни дело. Они создают вокруг жерла вулкана каменоломню и приступают к изготовлению Моаи, – тех самых исполинских фигур, обеспечивших нам всемирную славу. Зачем это им понадобилось? Ответов много, но какой из них можно считать верным? Я не знаю. Быть может, намёк на правильный ответ в легенде, говорящей, что ближайшим предком Хоту-Матуа – Виракочи являлся Тики-те-Хату, Тики-Господин, один из сотворцов Земли в целом и острова Рапа-Нуи в том числе.

...Ни во время первой беседы, ни затем, – ни при каких условиях, – Тайменев не слышал от губернатора Хету общепринятого названия его родины: остров Пасхи. Скорее всего, Хету не воспринимает его ни в смысловом, ни в фонетическом отношении. И наверняка относится к словам «остров Пасхи» болезненно; и переживает, как тонко чувствующие дети страдают от кличек и прозвищ. Неожиданное соединение глубокой эмоциональности и отточенного интеллекта позволяли губернатору острова Рапа-Нуи Хету-Звезде видеть действительность с неожиданных ракурсов. Известные Тайменеву сведения в устах Хету обретали новое значение. И оказывалось по размышлению, что качество знаний зависит от отношения к ним, знаниям.

– Прошло два века, и вождь полинезийцев Туу-ко-иху привёл на мой остров «Ханау Момако» – «Короткоухих», людей Запада. Начинается конфликт. Великий Make-Make стал кивает на малой земле, называемой почему-то Большим Островом, непримиримые и несовместимые грани, Свет и Тьму. Они изначально едины, их скрепляет разъединительно-соединительная линия. Ведь любая граница и соединяет, и разъединяет. Тени не в счёт. Линия – чистая математика, геометрическое выражение пустоты. Линия – отношение между сторонами. Межчеловеческие отношения нельзя потрогать руками, зафиксировать приборами. Фиксация – остановка; остановка – иллюзия жизни, смерть. Пустота соединяет и разграничивает, сжимает в единое и не даёт слиться, взаимоуничтожиться добру и злу. Взаимное притяжение и взаимное отталкивание, – в этом бесконечная мудрость, и познать её человеку не дано. Вы не согласны?

Жонглируя словами, губернатор Хету не забывал обязанности хозяина и предлагал Тайменеву то коньяк, то фрукты, следил за рюмками-тарелочками соединяющего их столика. Или разъединяющего... Постепенно окружающее для Николая Васильевича стало терять признаки устойчивости: резкость линий, чёткость светотеней... Все вещи укрылись под неким флёром. Так интим Востока укрывается полупрозрачной голубоватой кисеёй, делающей скрытое за нею зовуще-таинственным, полуреальным, «выхваченным» из волшебного сна любви.

Уютно-привычно и экзотически-необычно: примерно так воспринимал микромир кабинета Тайменев, оценивая не рассудком, а, скорее, внутренним чутьём развёртывание логики губернатора, пытаясь предугадать её дальнейшие повороты. Но здравый смысл играл с Николаем в прятки: до конца, по-настоящему, не верилось в реальность происходящего. То пропадёт бесследно интересная мысль, то дрогнет нога в мимолётном нервном тике.

– Мой остров пережил недолгий всплеск искреннего всеобщего интереса к себе. Искренность и всеобщность пришли и ушли. Что осталось? И что будет? Вот что меня беспокоит.

– Вы думаете, вашему острову что-то грозит?

– Давайте подумаем вместе. Разве не отличается то, что вы здесь увидели своими глазами, от вашего представления? Ведь вы успели посмотреть больше, чем все другие туристы.

Тайменев немного подумал, чтобы высказать главное из своих впечатлений.

– Отличается, конечно. Во-первых, я не ожидал такого обилия зелени. Особенно в долине Анакена. Проложен регулярный туристический маршрут из Бейрута. А это – и Европа, и Азия. Вас ждёт валютный обвал. Почти все статуи поставлены на свои места. Гигантская работа. Думаю, приблизительно таким выглядел остров давным-давно.

– Я мог бы продолжить ваш список. Субсидии от правительства с правом свободного распоряжения ими. Новый статус отношений с государством, мы впервые стали полноправным

субъектом госбюджета. В таком ключе список, открытый вами, можно продолжать. И закончить тем, что значительно повысился уровень жизни аборигенов острова. Ещё пять лет назад такое выглядело бы фантастично: над островом висит спутник, в каждом доме радиотелеаппаратура, способная принимать любую радио— и телепрограмму мира. Некоторые каналы адаптированы к нашему диалекту. О таком расцвете ни Хоту-Матуа, ни Кук с Лаперузом не мечтали. Так?

– Действительно, скачок. Настоящая революция. Что же вас настораживает?

...Нет, интересный получается разговор. Руководитель самостоятельной территории, похоже, не совсем рад внедрению в жизнь соотечественников технического прогресса, а своё недовольство поверяет человеку, с которым встречается впервые. Или губернатор избрал его в качестве доверенного лица?

– Настораживает? – Хету нахмурился, – То ли слово? Всё-таки без обращения к Белому времени не обойтись. Люди работали с камнем без использования андезитовых топоров или металлических рубил. От тех людей не осталось технологического мусора. А сама технология превосходила возможности современной цивилизации, я уверен. Камень для них был как для нас масло, они не обращали внимания ни на его твёрдость, ни на вес, ни на размеры. Но ведь работа с камнем – деталь, за которой целая культура. В моих глазах они волшебники. Так почему же мы восхищаемся создателями исполинских статуй, работавших первобытными каменными рубилами?

Разговор перешёл на сходство признаков культуры первого периода на Рапа-Нуи с признаками доинкской культуры в Южной Америке. Они незаметно опустошили бутылку коньяка неизвестной марки. Странно, но опьянения не было; лёгкое возбуждение пронизывало Николая, поддерживая равновесие между телом и психикой. Губернатор вернулся к тому, с чего начал, к красной статуэтке, изображающей невиданное существо, одинаково хорошо приспособленное к жизни во всех стихиях: водной, воздушной, наземной. Тайменев понял, что встреча подходит к завершению, «первый круг» замкнулся.

Губернатор Хету, провожая гостя к выходу из кабинета, остановился у двери и протянул шоколадную руку. Ладонь приятно горячая и твёрдая.

– Итак, мы решили ваши вопросы, действуйте спокойно. Ваше сознание глубоко увязло в наших проблемах. Это хорошо, но... Прошу вас быть осмотрительнее и благоразумнее. А недосказанное... Мы ещё вернёмся к нему.

К сожалению, тогда Николай Васильевич счёл предупреждение об осторожности данью этикету и не придавал ему значения. Думая над этой своей ошибкой вдали от острова Пасхи, он уверился, что иной линии событий, чем та, что свершилась, быть просто не могло. Да и сам губернатор в тот день знал немногим больше, чем сказал. А это «большее» относилось в основном к сфере предчувствий, предвидения, которая не терпит логики и не поддаётся предварительной проверке.

Поглощённый обдумыванием впечатлений от встречи с губернатором, Тайменев был переполнен прежде всего радостью от полученного разрешения действовать на острове по собственному усмотрению. И от того, что ему предоставлен транспорт для поездок в Оронго, – губернаторская «Тойота». Едва ли это чересчур: речь идёт всего-навсего о попутной доставке туда и назад.

Тревоги и подозрения, вызванные посещением лагеря археологов и ночным визитом Те Каки Хива, казалось, отступили насовсем. В приподнятом настроении возвращаясь в палатку, Николай видел себя на вершине Рано-Као, с фотоаппаратом в руках осматривающего древнюю обсерваторию и дома птицелюдей.

Через год-другой лавина туристического бизнеса сметёт в Оронго всё первозданное, останется отлакированная и отглаженная выставка, подобная пещере, которую он посетил в первый день пребывания на острове. Откроется отель на Моту-Нуи, заработают арочный

и подвесной мосты, соединяющие островки птичеловеков с берегом, – и тогда на Рано-Као делать будет нечего. Да и на всём острове тоже, наверное. Так что он посчитал, ему неслыханно повезло.

Закатная карта

Водитель губернаторской «Тойоты», далеко не нового джипа песочного цвета, Ко Анга Теа, был юн и изящен как девушка. Тайменев сразу отметил в нём интересный сплав двух качеств: развитое чувство собственного достоинства и преклонение перед хозяином, Ко-Ара-а-Те-Хету. Первое спасало его от рабского безоглядного подчинения воле начальства, второе давало возможность сознательно разделять взгляды мудрого хозяина на происходящее. Личных интересов, мешающих службе, Ко Анга Теа по молодости не имел, и любое поручение губернатора воспринимал как собственное дело, выполняя его буквально и творчески. Так же он отнёсся к шефству над Тайменевым.

Отыскав проезд со стороны аху Винапу, что на берегу в полутора километрах к северо-востоку от вершины Рано-Као, Ко Анга Теа доставил Тайменева почти к селению птицелюдей. Договорившись о времени и месте встречи, водитель так грациозно занял место за рулём, что Николай Васильевич залюбовался его движениями, их плавностью и мягкостью. Столь совершенный организм невозможно обрести тренировками.

Николай с раннего детства с симпатией относится к физически развитым людям. Человек с воспитанным, твёрдым, гибким, закалённым телом не может быть глупым и злым. Бывают исключения, когда совершенствование организма становится самоцелью и гипертрофирует пропорции красоты во имя достижения превосходства. Сила без ловкости, гибкость без крепости...

Сила, выносливость, красота... Если Тайменев и имел среди людей кумира, то им был Геракл. И всегда стремился походить на героя Эллады, каким его представлял. Понимая, что достигнуть желаемого уровня не сможет никогда, – Гераклом не становятся, им рождаются. Дар Провидения... Но приблизиться к идеалу в человеческих силах.

Тайменев смотрел вслед джипу; тот спускался в долину, следуя направлению древней, плохо сохранившейся дороги. Машина шла легко, без остановок, как на соревновании по слалому. Достигнув развалин каменных домов у подножия Рано-Као, Ко Анга Теа повернул налево, к Ханга-Роа. На южной окраине деревни дом губернатора. На крыше дома трепещет под морским ветерком такой же флаг, как над резиденцией в долине Анакена. Джип остановился у дома, маленькая фигурка водителя исчезла в дверях.

Губернаторский дом отличался от остальных только наличием государственного флага. Дорога, идущая далее на север, разделяет деревню пополам, и на северной её окраине разветвляется. Левая ветвь идёт далее по-над обрывом. Правая соединяет Ханга-Роа с долиной и бухтой Анакена, являясь кратчайшим путём от главного поселения острова, где обитает большинство жителей, до долины Королей, где расположились административный и культурно-торговый центры.

Вдоль левой, прибрежной дороги группами застыли великаны, обратив лица к середине острова. Зелень, прикрывающая белые домики Ханга-Роа, километрах в двух от деревни кончается, и взору предстаёт каменная пустыня, кое-где оживляемая бледно-зелёными кустами и неяркой травой. Обычный пейзаж всей центральной части острова... Лишь оживлённая долина Анакена светится ярким изумрудом эвкалиптовых и пальмовых рощ, зарослей деревьев и кустарников. Есть ещё зелёное пятно у подножия вулкана Рано-Арои. И всюду вдоль береговой линии: фигурки каменных исполинов, кажущиеся с вершины Рано-Као беспорядочно расставленными куклами.

Бескрайний океан подступает к обрывистым склонам со всех сторон, облизывает скалы, пытаясь добраться до окаменевших фигурок-кукол. Когда-нибудь он достигнет своей цели, земное время не властно над водой, породившей сушу из своих древних глубин и готовой вер-

нуть её обратно. Столь малый островок сможет ли долго противостоять неотвратимой ярости океана?

Остров с высоты вулкана кажется живой игрушкой, брошенной и забытой в морской стихии. Игрушкой, искусно сделанной с соблюдением всех масштабов, моделью малого мира. Дома, деревья, дороги, трава... Всё есть, всё предусмотрено, кроме речки или озера. Тайменев стоит над живой моделью, являясь её частью, и наблюдает за тем, как восходящее солнце открывает новые подробности рельефа, а знакомые виды высвечивает с неожиданных сторон. Вот что-то сверкнуло на южном склоне горы Рано-Арои. Это у местечка Вайтеаа, его не видно среди зарослей, единственный родничок пробивается из каменных глубин. Быть может, единственный, источник живой воды дал о себе знать случайным проблеском. Как в целом похоже на фотографию-сюрприз и на действующую трехвременную модель в роще Анакены!

Естественный пейзаж воспринимался Тайменевым более красочным, чем непревзойдённый снимок Те Каки Хива, запечатлевший остров с иной высоты, с воздуха. Поглощённый живой панорамой, Николай и не вспомнил о фотоаппарате, лежавшем в полной готовности в сумке. От долгого стояния занемели икры ног, и он пошёл вокруг вулканического жерла, по полосе лунного ландшафта в несколько десятков метров шириной. Серый камень, серый песок, серая пыль. Какой контраст с тем, что внизу! Обходя торчащие камни, преодолел разделительную лунную полосу и оказался над миром внутри вулкана, отделённым от мира внешнего обрывистыми стенами. Полуторакилометровую в поперечнике чашу заполняла растительная жизнь. Поверхность кратерного озера прячется под тёмной зеленью камыша тотора, зарослями грязной травы вдоль берегов. Запах болота поднимается кверху, завершая последним штрихом картину мрачной неуютности. Застывшая гнилая киста в дупле больного зуба уснувшего великана, а не вулкан, подумал Тайменев, закрывая пальцами ноздри.

Слева, – казалось, рукой дотянуться, – громада высотного здания на Моту-Нуи. Безжизненные окна сверкают фиолетовой слепотой очков, отбрасывая блики на свежепобелённые камни восстановленных домов древнего поселения птицелюдей. Хромированный металл несущих конструкций ослепительно блестит на солнце паутиной пересекающимися линиями. В глазах от стеклянно-холодного отражения солнца вспыхнули жарко-алые пятна. Николай стёр пальцами выступившие слёзы и отвернулся. Взгляд искал спасительную зелень. Китайские мудрецы утверждали: чтобы быть здоровым, человеку требуется ежедневно касаться взором спокойной чистой воды, свежей зелени и скромной женской красоты. Совсем немного, но как в сегодняшние времена собрать все три слагаемых воедино, да ещё и наслаждаться получившейся суммой каждый день!? И первое, и второе, и третье, – всё для него дефицит. Приходится вот лицезреть проявления всепроникающей техносферы. Общедоступно, удобно, но как надоело! Поселиться бы где-нибудь в пустыне...

Будущая гостиница на острове... Металлическая коронка, привезённая из-за океана, – дантист с невидимой головой готовится заменить искусственной челюстью здоровые зубы пасхальского организма. С моря, несмотря на громадность, она не выделялась. А отсюда, – глаза её не видели!

Странная гостиница. Ни балконов-лоджий, вообще ничего такого, что делает здание предназначенным для отдыха и веселья. Окна большие, но переплёты слишком часты, напоминают решётки на тюремных окнах. Какому архитектору удалось протолкнуть такой безликий мрачный проект? Денег не хватило? Здание больше похоже на офис компании или научный центр. Нет, глупость, на Рапа-Нуи им не место.

Вспомнив, зачем он здесь, Тайменев отвернулся от будущей гостиницы, до которой, собственно, ему и дела-то никакого нет. Кому интересны его художественный вкус и личное мнение? Первый дом восстановленного «Тангароа» поселения ждал в десятке метров, у обрыва, падающего в белую пену морского прибоя. Рядом с домиком, делая его совсем крошечным, застыли три громадные фигуры. Их презрительные лица слепо смотрели в сторону долины

Королей, не замечая копошащегося под ними человечка, сотворённого из уязвимой недолговременной плоти. Каменным телам знакомо дыхание вечности, они невозмутимо ожидают наступления своего времени. А поскольку наступление их будущего не зависит от человеческой воли, действующей в ином измерении, они не замечают людей. Когда-то одни люди опрометчиво низвергли их с постаментов. Но вот пришли другие и вернули обратно, – никто не в силах помешать терпению, заключённому в окаменевшем ожидании.

Врытые в землю, поставленные вплотную дома выглядят жилищами термитов. Работы по восстановлению здесь приостановили, не завершив. Интересно, почему? Опять нехватка средств? Или просто время первого туристического круиза совпало со временем отпусков для реставраторов и строителей? И совсем непонятно, почему Оронго не включили в план экскурсий и не поощряется интерес к Рано-Као? Здесь есть что показать, есть что посмотреть.

Чего стоят астрономическая обсерватория Первого периода, – Белого времени, как говорит губернатор, – и совмещённое с нею Харе-пуре, святилище Второго периода истории. Именно это строение на снимке, принесённом ночным гостем, имеет особо мощную и красочную ауру. Оно где-то впереди, за поселением. Чувствуя, как неудержимо тянет туда, Тайменев решил задержать на часок посещение культового центра Оронго.

Николай Васильевич любил бороться с желаниями, испытывая себя; нравилось побеждать их, если они вели туда, где ждали разочарования, обиды, угрызания совести, – это трудно, но такие победы прибавляют уверенности в себе. Были ещё желания второго рода, приводящие к открытиям, новым загадкам, интересным встречам. В таких случаях он тоже не торопился, с удовольствием ощущая, как желание зреет, набирает потенцию от оказываемого сопротивления. И созрев, оно уже само придаёт свежие силы всему существу Тайменева, помогая добиться цели так, как хотелось.

Вот и теперь, предвкушая наслаждение от предстоящей встречи с центром неведомых тайн, он нашёл подходящий для сидения камень и устроился поудобнее. Неторопливо поглощая поздний завтрак из пары бутербродов и горячего кофе из термоса, попытался представить живших здесь людей. Талантливые строители, скульпторы, художники, они избрали тупиковый путь языческого поклонения огню и Солнцу; путь, повторенный многими народами и до, и после них. У всех судьба оказалась одинаково немилостивой и суровой. Одни без следа исчезли с лица земли, другие потеряли родные места и разошлись по свету. Третьи подверглись уничтожающим войнам, мору, стихийным бедствиям. Некоторые продолжают испытывать судьбу. В назидание себе и соседям по планете.

Огнепоклонники из Оронго оставили по себе память, могущую служить поучительным примером. Да чужой опыт редко оказывается нужен и полезен. Гордыня заставляет людей вновь и вновь проходить гибельными дорогами. Камни на месте жилищ, человеческие кости на местах кровавых жертвоприношений, каменная пустыня вокруг. И везде, – на скалах, стенах и потолках каменных храмов, – символы упадочного культа, приведшего к деградации, гибели в войнах и канныбализме.

Тангату-ману, Человек-птица... Четырёхпалые люди с птичьими головами, в рабски скорченных позах; одни клювы, – длинные, изогнутые, – чего стоят. И ещё плачущие глаза... Эти изображения были самыми распространёнными. Что ими хотели сказать ушедшие в забвение художники своим соотечественникам и тем, кто придёт потом? Ведь истинный мастер не может не думать о том, как сохранятся его произведения в реке времени, как будут поняты идущими из Будущего. Кто сейчас в мире может сказать, что понял тайный смысл выбитых в камне рисунков? Тайменев не знает таких людей. И сам теряется в догадках, пытаясь расшифровать знание, заложенное в повторяющиеся рисунки-пиктограммы.

Настоящего научного исследования проблемы нет. В популярной литературе широко распространено мнение, что изображения птицелюдей связаны с ежегодным ритуалом, совершавшимся на острове вождями и жрецами. На Моту-Нуи весной прилетали птицы и откла-

дывали яйца. Сильнейшие пловцы-скалолазы должны были добраться до острова и вернуться назад с яйцом. Победитель становился человеком года, через него жрецы делали свою политику. Из чего следовало: обычай родился здесь и со временем стал местным культом.

Околоспортивный ритуал, конечно, существовал, но не он первичен. Обращение к нему не может объяснить всех загадок, связанных с распространёнными изображениями птицелюдей, с другими обычаями рапануйцев. Скорее, состязания по добыче птичьих яиц только звено в забытой системе верований. Сами рапануйцы не помнят истоков сохранившихся знаний и ритуалов. А чтобы реконструировать истину, документов и неоспоримых свидетельств нет. Где их отыскать, не знает никто...

Концепция Владимира Вернадского и Тейяра де Шардена о наличии у Земли живой оболочки, связанной с человеческим разумом, до сих пор остаётся гипотезой. Если Вернадский и де Шарден правы, то сейчас мысли Тайменева соприкасаются с находящимися в ноосфере планеты мыслями людей, живших на Те-Пито-о-те-Хенуа века и века назад. И не ушли бесследно их надежды, боли, радости и мечты... Они ждут своего часа, и пока воздействуют каким-то своим, неизвестным современному человеку образом на его подсознание. И смотрят его глазами с такой знакомой им вершины на раскинувшийся внизу единственный для них неповторимо-родной пейзаж острова, одиноко плывущего по сине-зелёной чаше мирового моря. Смотрят не узнавая.

И не он, уроженец далёкого, из другой вселенной, города Воронежа сидит на тёплом камне, а незнакомое ему совсем, непредставимое по внешним чертам мыслящее существо... С четырьмя пальцами на руках, со странной нечеловеческой головой. Или это просто головной убор? Или некий аппарат, напоминающий очертаниями птичью голову?

Давний обитатель Пула Земли, загадочный птичечеловек, он думает о прошлом своём и всеобщем, о будущем и настоящем. Думает и о нём, Тайменеве Николае Васильевиче, пришедшем к нему из-за непроницаемых слоёв времени; пришедшем, чтобы понять и увидеть, увидеть и понять. Ждущий птичечеловек не знал, каким будет Тайменев, но был уверен, – он придёт. Придёт и услышит его, и произойдёт между ними неслышный другим разговор о любви и страданиях, о слабости и силе разума, о жизни и судьбе... Обо всём том, о чём думал тогда он, и о чём думает сейчас пришедший Тайменев. Да, думают они об одном, одинаково важном для всего живого и каждого живущего.

Кто они, птицелюди? Шорох в пустоте, всплеск незнакомого слова в полусне, ускользающее видение в сумерках, путаница настроений без причины? Это ли всё, что осталось от них для вечности в гипотетическом мире ноосферы?

Наука тверда в выводах и бессильна. Она говорит жёстко и не оставляет надежд: все они ушли, ушли безвозвратно неизвестно куда, и нам нечего о них сказать. Нечего сказать и о любом из них, и об их цивилизации в целом. Остались немногие загадки: игрушки любителям старины, специалистам без профессии, профессорам по безмолвию.

Кем станет он, Тайменев, когда займёт в потоке перемен место ушедших, отодвинув предыдущих ещё на шаг назад, ещё более сгустив над ними мрак забвения? Пройдёт сотня-другая лет. Быть может, и больше. Или меньше, неважно сколько. И кто-то другой, непохожий на Николая, сядет на этот самый камень и будет размышлять. И об ушедшем, непонятном для него времени Тайменева тоже будет думать, пытаясь представить себе непредставимое. Птицелюди оставили камни и рисунки на них. Что оставит Тайменев?

Стало грустно. Тоска и печаль его не касались ни людей, ни камней. Печаль его ни о чём. И потому светла и прозрачна, очищенная от попыток обмануть себя и других. Тоска Тайменева о себе самом, пришедшем в мир, чтобы уйти из него. В чём смысл череды поколений? И самой смене их ведь тоже придёт конец. Миллионы и миллионы людей изо всех сил пытаются устроить успех своей личной судьбы, используя тысячи приёмов и средств. Зачем? – всё обращается в прах! Но если такое есть, значит, это кому-то нужно? Где дирижёры всепланетной игры? Или

в ней нет осмысленности? И всё вокруг лишь мираж, лишь видимость упорядоченности в бессмысленном колебании хаоса и беспредела? Всё – ради пустоты; пустота – ради всего; змея, кусающая себя за хвост и поедающая сама себя, ведь ни внутри неё, ни вне её – ничего нет! Ничего, кроме неё самой!

... Чьи это мысли, откуда их безысходность? То ли из его запутавшегося сердца, то ли из мудрости, накопленной ноосферой? Тайменев огляделся, поёживаясь от мурашек, пробежавших по спине. Никого вокруг, шорох ветра, оранжевые блики на камнях. Что-то делается со временем: как только он остаётся один, оно вдруг пронесётся мимо с дикой скоростью; он и не заметил прошедшего дня. И ничего не сделал, ни одного снимка.

Быстро темнело. Но вот вечер замер и остановился, как будто кто-то щёлкнул затвором фотоаппарата, а Тайменев каким-то чудом оказался в кадре, внутри замершего навсегда изображения. Луч заката положил тени сразу и резко, неподвижные, без полутонов. Загустев от закатной тяжести, солнце уцепилось в торможении за громады скал и ничтожные песчинки, высвечивая бесконечно тянущимся мигом сокрытое в обычности.

Всё переменилось! Только что фотопластинка выглядела абсолютно чистой, лишённой борьбы света и тьмы. И вот, после их столкновения, проявляются точки, пятна, линии, фигуры; сплетаются, соединяются и, – начинают говорить!

Всё переменилось! И плоский срез скалы напротив Тайменева, всего десяток квадратных метров, ранее привлекавший только своей относительной ровностью, изменился. Чёрная тень заполнила невидимые в свете трещинки, ложбинки, ямочки и образовала удивительный узор.

Тайменев не успел взять в руки фотоаппарат. И не расстроился от того, зная, что увиденная картинка во всех деталях отпечаталась в сознании и подсознании, в оперативной и долговременной памяти. Тем не менее руки суетливо-лихорадочно выхватили из кармана куртки блокнот с карандашом и принялись быстро перерисовывать значки со скалы. Недоумённо посмотрев на начатый рисунок, – правильную трапецию с кружочком в центре её, – Николай остановил себя, вырвал листок, смял и сунул в нагрудный карман, рядом с носовым платком. Зачем делать бесполезную работу, – переснять от руки не успеть, да и точности не будет. После, в свободное время, по памяти, можно будет сделать достоверную копию.

Закатный луч ушёл, разом потемнело, скала почернела, укрыв тайный рисунок.

Отметив координаты момента наблюдения, Тайменев встал и подошёл к скале поближе, пытаясь отыскать приметы изображения: вписанные в контур правильной трапеции кружочки, разбросанные группами вдоль контура изнутри прямоугольнички. Рядом с прямоугольничками маленькие стрелки, указывающие в центр схемы, ещё какие-то знаки, над ними придётся поразмышлять, они не казались понятными. Во все стороны от трапеции разбегаются человеческие фигурки, нанесённые несколькими точными чёрточками.

Как он ни старался, не удалось обнаружить ни одного значка. «Экран», показавший схему, находился на высоте, недоступной рукам, а глазами он не нашёл ничего, что бы хоть намекало на линии или отдельные знаки. Никому и доказать не удастся, если понадобится. Кто согласится сидеть на камне и ждать чуда? Да и вдруг оно случается раз в месяц или год? Разве что попытаться подсветить. Светоустановкой вроде тех, что применяют на театральных сценах и киносъёмочных площадках. Но кому это нужно?

Оронго когда-то служил храмовым центром острова. Рисунок создан людьми посвящёнными, жрецами, хранителями тайн. Где-то в цепи поколений оборвалась нить знания об «экране», и теперь о картинке никто не знает. Уж очень искусно замаскировали, лишь случайность помогла увидеть. Если только не привиделось.

Размышления прервал автомобильный гудок. Николай обернулся. Ко Анга Теа, сверкая в темноте глазами и улыбкой, стоял рядом с машиной. Габаритные огни окутывали оранжевой дымкой его стройную фигуру с изящно поднятой в знак ожидания рукой. Вот и назад пора. Ничего-то он не успел сделать, даже фотоаппарат не вытащил из сумки. Но чувства досады

и неудовлетворённости нет. Даже наоборот, Тайменев ощущал приобщённость к чему-то значительно большему, чем тайны свечения статуй и сооружений, запечатлённых на фотографиях Те Каки Хива. Удача, по-видимому, поворачивалась лицом.

Водитель молчал, не мешая думам. Да и дорога ночью оказалась непростой, то и дело приходилось разворачиваться и искать более удачный поворот. Измученный тряской и резкими рывками, Николай попрощался с Ко Анга Теа и сказал, что завтра машина не понадобится, нужно отдохнуть.

Тот весело кивнул и «Тойота» укатила в сторону административного центра. Губернатор задержался в рабочем кабинете допоздна, и Николай спросил себя: что же так может заботить руководителя столь малого клочка суши, где всё идёт заданным ритмом, нет ни преступников, ни потерпевших, не надо ничего изобретать? Наверное, чрезмерно серьёзное, философское отношение к миру и к себе не улучшает и не облегчает жизнь.

Верно! Вот и подтверждение самокритичности, – палатка светится, полог поднят, яркая полоса тянется по серой земле. Звучит поп-артовский шедевр, заглушая нетвёрдые голоса. Люди, понимающие вред серьёзного отношения к жизни... Ясно: Франсуа на пути к очагам «тёмной жизни» сделал краткий привал.

Шумная компания встретила Николая восторженным рёвом. Франсуа ломающимся голосом представил его:

– Прошу! Мой друг и сосед по жилищам... да-м-м., – по жилищу... Тайменев. Василий...

Тут он задумался, внимательно глядя на Николая какими-то пустыми, остановившимися глазами. Спутники его тоже молчали, ожидая конца официального представления, они выглядели много трезвее Марэна. Чувствовалась разница в количестве принятого.

– ...Да, Василий, – глаза Франсуа прояснились, и он смог улыбнуться, – Из России.

Снова вопль восторга.

– Сеньор Дорадо! Так его здесь зовут. Почему? Потому что у него золотой характер. И ещё он тайный философ. Ведь так, Василий? В России всегда жили и живут Аристотели. Там каждый человек – Аристотель! У них пьяница рассуждает о смысле жизни, как и я, а трезвенник постоянно думает: «А почему всё именно так, а не по-другому?» Все ищут ответа. Да, Василий, твоя страна – страна Философия. И потому перемены у вас, – постоянны. Ха-ха-ха... У нас всё не так, у нас скучно...

– Не так, не так у нас, – поддержал дружный хор, не понимающий уже, где это «у нас», а где «не у нас», а «у них».

Франсуа бросил мутный взгляд на наручные часы и закричал:

– Бьян! Нам надо спешить!

Гости с Марэном моментально исчезли, как караул по сигналу тревоги. Николай Васильевич привёл стол в порядок, убрал напитки в холодильник и отважился на банку пива.

Что-то происходит с Франсуа. Николай воспроизвёл в памяти его взгляд. В нём проскользнуло нечто чужое, отталкивающее. Не так уж он и пьян, чтобы не контролировать поведение. Такое, по мнению Тайменева, просто невозможно. Психика Марэна сотворена из нерастворимого в спиртном материала. Возможно, это просто впечатление от сопровождающих Франсуа людей. Они из тех, что на лайнере держались обособленно, не сближаясь ни с корпусом журналистов, ни с обычными туристами. Весьма подозрительная компания, и сегодня она в роли необычной. Такие люди не срываются просто так...

Раздумья о переменах в товарище, накопившаяся за день усталость... Николай сказал себе: «Хватит! Отбой!».

Сон пришёл сразу. Приснился рисунок на скале в Оронго. И произошло с рисунком то, что обычно происходит с негативом при превращении его в позитив: линии все посветлели, а пустое пространство между ними стало темнеть. Проявление шло до того момента, когда

линии общего контура осветлились, засверкали собственным светом. То же произошло с мелкими деталями, – знаками, начавшими оживать. Вначале задвигались в направлениях, указанных стрелками, маленькие прямоугольнички. Стрелки изменились в цвете, запульсировали алым, заструили тревогу. Маленькие человечки, вобрав тревожное излучение изнутри трапеции, зашевелились и как бы побежали, перебирая ножками-чёрточками. Все другие знаки потускнели и понемногу стали гаснуть, пока не пропали вовсе. Из центра, обозначенного кружком с точкой, вырвался яркий луч, и всё разом померкло, рисунок исчез.

Вот какое сновидение приснилось Тайменеву. После ночи сохранилось ощущение разгадки, будто он во сне понял нечто очень и очень важное, да при пробуждении забыл. И утром ему мучительно хотелось это важное вспомнить. Осталось твёрдое убеждение: и сновидение, и сама картинка на скале имеют к нему прямое отношение. Зашифрованные в схеме сведения скрывают нечто из реальности, его окружающей, нечто имеющееся в природе; схема, – не просто результат игры ума и голой фантазии.

А другая сторона его «Я» думает иначе: возбуждённый экзотикой и обилием впечатлений мозг начинает «накручивать» фантастические домыслы, чтобы дать пищу стремлению Тайменева узнать неизвестное другим. В целом нормальная тяга человека вырваться вперёд в процессе познания, извечная любознательность, приводящая и к открытиям, и к заблуждениям. Тут всякое лыко в строку: и фотографии с аурой; и дракончик, связавший воронежскую кухню с Харе-пуре; и разговор с губернатором, оставивший странное впечатление. А нормален ли он, этот Хету, сам? – спрашивало второе «Я». Тут и суматошная компания Франсуа накануне. Отсюда и сон.

Выслушав себя, Тайменев решил признать и сон и явь истинными одинаково. Первая его сторона, желающая тайны и мистики, возобладала в борьбе. Пришёл вывод: схему можно прочесть! Через какое-то время. А пока – забыть! Как говорят на мудром Востоке: если не хочешь думать о краснозадой обезьяне, представь себе сине-зелёную верблюдицу. На роль сине-зелёной верблюдицы Тайменев выбрал Эмилию. Вообразив её чересчур живо и близко, порезал щеку безопасной бритвой. Но в результате загадочная карта на камне ушла в подсознание, чтобы как-нибудь потом всплыть лишённой покрывала тайны.

Трапеза в Ханга-Роа

Суперлайнер «Хамсин» вернулся на внешний рейд бухты Анакена. Утром четырнадцатого дня пребывания на острове Пасхи его белую громаду увидели отдыхающие на пляже. Можно посетить борт лайнера, яхты и камышовые лодки наготове. Появление «Хамсина» напомнило брэнность как вещей, так и процессов; пора было готовиться в обратный путь.

Тайменова возвращение «Хамсина» склонило к думам о смысле бытия.

Не каждому дано извлекать из уходящих дней уроки печали и неизбежности. Большинство людей не замечают очевидности и потому вполне счастливо проводят свой короткий век. Наверное, так и должно быть, ведь иначе мир покрылся бы пеленой тоски и неприкрытых страданий. «Впрочем, кому дано знать, «что такое хорошо и что такое плохо?» – задал себе поэтический вопрос Николай.

А прочие туристы не обратили особого внимания и на событие чрезвычайное во внутренней обстановке на острове. На следующее утро после возвращения «Хамсина» на рейд местные полицейские расклеили в наиболее оживлённых местах объявления о пропаже двух человек: руководителя археологической экспедиции и ещё одного, не входившего в списки членов научной экспедиции, пассажиров и команды лайнера; не числился он и среди аборигенов. Пропал человек, который нигде не значился; каким-то таинственным образом он появился на острове, – его видели многие, – а затем столь же загадочно исчез.

Франсуа по этому поводу шумно и много шутил, утверждая, что никто никуда не пропал, а всё это происки международной мафии во главе с Эмилией, старающейся так экстравагантно поразить сердце Тайменова. Дети из секции у-шу сообщили сеньору Дорадо, что по острову бродил оживший дух кого-то из давно умерших жителей Рапа-Нуи. В версиях недостатка не было, но Тайменов изо всех сил старался не вникать в суету вокруг чрезвычайного происшествия, усиленно загорал и плавал над коралловым полем. А по утрам и вечерам активно занимался спортом со своей подростковой командой.

Занятия у-шу позволяли быть информированным и сохранять спокойствие. Но когда он узнал, что ведётся следствие, то забеспокоился всерьёз.

Во-первых, возникло обоснованное подозрение, что дух из прошлого и ночной визитёр, подаривший ему фотоснимки, – одно и то же лицо. Лицо, затем оказавшееся в числе пропавших. Таким образом, он попадал в поле следствия.

Во-вторых, он испытал разочарование от того, что так и не смог ознакомиться с археологическими изысканиями на острове. Теперь археологам не до него и не до работы. Что он скажет по возвращении другу Вене? И ещё, вспомнив свои ощущения на стоянке археологов, упрекнул себя за то, что не поделился подозрениями с кем-нибудь.

Впрочем, кроме как с Франсуа Марэном, и поговорить не с кем. Но эти большие красные глаза Марэна... Почему они излучают подозрительность и осуждение? Франсуа смотрел как обвинитель на преступника, противозаконно гуляющего на свободе.

«Что-то не так, что-то делается со мной, – прошептал Тайменов, – Небывалое: я стараюсь найти в человеке, имеющем одну слабость, – склонность к спиртному, дурное и безнравственное начало». Ведь для Марэна опьянение, – единственная возможность уйти от мучающих его внутренних болячек и неустроенности личной жизни. Если бы не последнее, признался как-то Марэн, он бы ногой не ступил на палубу «Хамсина». Окажись Тайменов на его месте, неизвестно, как бы себя повёл. При этой мысли Николай зябко передёрнул плечами: потерять здоровье и физическую форму было бы жизненным крушением.

Что-то он стал близко к сердцу принимать события в ближнем социуме. Ведь он, Тайменов, простой турист, отдыхающий за свои честно заработанные денежки. И всё происходящее

на острове не может иметь к нему прямого отношения. Не может? А как же статуэтка дракона, совершающая второй мистический круг?

И, наконец, всплыло в памяти осторожное предупреждение губернатора Хету: быть более осмотрительным.

По всему выходит, – Николай один из всех туристов причастен к происшествию. А когда вспомнил, сколько ошибок свершила Фемида с глухой повязкой на глазах, сделалось неудобно.

Определённо, на острове творится безобразие. Уголовщина на пяточке посреди океана не простое стечение обстоятельств. В закрытой комнате без окон проснулся голодный медведь и теперь беснуется в ярости, бьёт посуду и крушит мебель. Но его никто в темноте не видит, даже не знает о присутствии взбешённого зверя. Любой на острове рискует оказаться под сокрушающей лапой.

Тайменев всё чаще возвращался к полумистическому разговору с Хету и испытывал нарастающую потребность к действию. Его натура не позволяла пассивно ждать прибытия хранителей закона. Ведь наверняка они знают и о посещении им лагеря археологов, и о ночном визите в палатку подозрительной неизвестной личности в маске островного аборигена.

Делиться с кем-либо переживаниями не хотелось, а что делать, он не знал. Поставив себя на место полицейского и посмотрев на всё со стороны, Николай удивился, почему его до сих пор не арестовали. Немедленно задержать подозрительного иностранца, ведущего себя совершенно не как остальные, слишком многим интересующегося и всегда оказывающегося не там, где предписано!.. Задержать, а уж потом разбираться. А то как бы и этот не пропал!

А полицейский всё не приходил. Идти прямо к губернатору и во всём признаться? Хотя признаваться в общем-то не в чем... А больше идти не к кому. Франсуа занят, просто посмеётся над опасениями невинного, подозревающего самого себя. Обратиться к администрации круиза? Холодные глаза сеньора Геренте отрицали такую возможность. Нет, два выхода: либо сдаться на любых условиях Эмилии, она-то сумеет защитить, как утверждает Франсуа; либо к Хету за советом.

Занятый разбором столь приятной дилеммы, Тайменев не учёл, что логика острова Рапанауи отличается от известной логики большого мира. Не учёл и того, что губернатор советовал быть осмотрительным, имея в виду не поступки, но прежде всего мысли, от которых исходят и незрелая детская поспешность, и неторопливая всё успевающая мудрость. Ибо логика суть мысль, облечённая в одежду обычая.

Прямолинейно-поверхностная логика цивилизованного человека позволяет кое-как ориентироваться в привычной обстановке, в этой большой полуискусственной оранжерее, названной создателями-жильцами техносферой, второй природой. Тайменев поморщился: техносфера, если быть честным перед собой, ему не нравилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.